

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ
ОХОТНИК

ОХОТНИК

Евгений Щепетнов

ОХОТНИК

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Щепетнов Е. В.

Охотник / Е. В. Щепетнов — «Эксмо», 2016 — (Охотник)

ISBN 978-5-699-86763-9

Прошедшему многие войны боевому магу Сергару Семигу не повезло. Смерть пришла за ним, но Боги решили иначе. Очнувшись в теле инвалида-колясочника в чужом мире, лишенный магических способностей Сергар понимает, что везде есть негодяи, желающие нажиться на беспомощных, и его борьба не закончена. На одну силу всегда находится другая, и тот, кого считали «дичью», становится Охотником.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86763-9

© Щепетнов Е. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгений Щепетнов

Охотник

© Щепетнов В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

– Ста-ановись! Первая шеренга – готовь огневки! Ты чего руками машешь, придурок?! Ты какие пассы делаешь, идиот?! Я сказал – огневки, а не «замораживание», болван ты деревенский! Где вас, таких скотов, набрали?! Первая шеренга – на колени! Вторая – стоя! Готовить боевые амулеты! Слушать команду! Ждать! Да не тряситесь вы, животные! Все равно все содохнем когда-нибудь!

– Лучше бы попозже! – нервно бросил сосед справа, толстый, вечно пахнувший помоями краснолицый Эстран.

– Чтобы «попозже» – нужно вовремя заряжать боевой амулет, слушать команды своего кородара и быстро выпускать заряды, животное! – Кородар сплюнул, и его точный плевок едва не угодил на носок сапога толстяка. – Парни! Сегодня выживут не все, но те, кто выживет, покроют себя славой! Впрочем, как я вижу, вам плевать на славу, на деньги, на то, что вы на службе императора. Ведь главное – ваша поганая шкура, да?

– Завел свою песню, поганец! – буркнул Сергар, не глядя на командира, славящегося тем, что он быстро вычислял бунтовщиков, и тогда его гнев обрушивался на нечестивца, как дурное заклинание. – Как будто ему самому не важна его поганая шкура!

– Молчать! Жди команды! – Кородар прервал свои назидательные речи, ничуть не вдохновившие боевых магов на героические подвиги, и замер, глядя вперед, туда, где по полю тяжелой рысью неслись бронированные кони зеланской тяжелой конницы.

Всадники, похожие на эпических стальных героев, держали в руках копыя с острейшими, укрепленными магией наконечниками, которые, как знал Сергар, могли прошить любую броню, как бумажный лист, не застревали в телах врагов, не ломались, хотя и были легки, как тростинки.

Маги Кайлара подготовлены ничуть не хуже магов империи Зелан, потому Сергар прекрасно представлял, что могут, а чего не могут зеланские умельцы, пропитавшие острые мечевидные наконечники магической силой. Он сам кое-что знал в этом деле, но его навыки не могли сравниться с искусством мастеров-магов, работавших при имперских кузницах.

У каждого боевого мага кроме умения бросать огнешары и убивать противника другими магическими способами была еще хотя бы одна воинская профессия. Например, Сергар умел лечить – не как мастера-лекари, одним прикосновением закрывающие даже самые страшные, зияющие раны и приращивающие отрубленные конечности, – но вполне прилично для провинциального мага, не прошедшего специального лекарского обучения. Такое обучение стоит денег, а откуда их взять простому парню из забытого богами городка на севере Кайлара? Он и в армию-то пошел ради того, чтобы вырваться из затхлого болота, именуемого Черная Дыра, жалкого городишки, где он родился двадцать пять лет назад.

– Амулет готовь! Пли!

Сергар привычно, не думая, сделал несколько пассов, на всякий случай соединился с боевым амулетом, заполненным Силой до предела, протянул руку и представил, как огненный шар зарождается на его ладони, жаркий, будто маленькое солнце. Когда кисть начало покалывать, он выбросил ладонь вперед, и шар размером с голову ребенка помчался туда, где сверкали наконечники тысяч копий, желавшие напиться свежей горячей крови.

Шшшшшшш...

Сотня шаров, выпущенных их ганзом, оставляя в воздухе дымные следы, разорвали воздух, чтобы с грохотом врезаться в невидимую стену, воздвигнутую магами-защитниками. Не стену – щит, который поддерживали не менее сотни сильнейших магов, способных легко отбить любой удар армейских боевых магов.

Впрочем, хотя эти армейские маги и не были магистрами магических наук, но их было много – не менее десяти ганзов, потому совместные усилия всей толпы огнеметателей в конце концов должны были истощить силы защитников зеланских вояк. По крайней мере, на это рассчитывало командование кайларской армии.

Так бы оно и случилось, если бы не вмешались боевые маги Зелана, которые (о, чудо, кто бы мог подумать?!) «вдруг» оказались среди тяжелой пехоты, наступавшей на позиции кайларцев с правого фланга.

Ударив по первому, третьему и пятому ганзам всей сконцентрированной мощью двадцати своих ганзов, они буквально разметали магов, продолжавших палить по наступающему противнику, разметали даже саму землю, вскипевшую под скворчащими, как сало на сковороде, огнешарами.

Как всегда, идиоты из штаба корпуса почему-то решили, что боевые маги могут защитить себя сами, и вместо необходимой защиты ганзов заставили магов-защитников Кайлара прикрыть штаб и элитную гвардию «Бессмертных», щеголявших в белоснежных плащах с гербом империи на красном фоне.

Сергар уже десять лет служил в первом ганзе, участвовал в двадцати трех битвах, не считая мелких стычек и магических дуэлей, потому, когда слышал позади себя шипение огнешаров, немедленно бросился на землю, пытаясь максимально уменьшить возможность прямого попадания снаряда.

Через мгновение его забрызгало кровью, закидало ошметками горелого мяса – толстый Эстран, любивший пожрать в любое время дня и ночи, закончил свой жизненный путь, сохранив жизнь Сергару. Огнешар утонул в тучном теле, высвободив всю свою энергию и потратив ее на разрушение несчастного любителя курицы, запеченной в духовке под сладким соусом.

Сергар не любил неопрятного и прожорливого Эстрана, но сейчас был ему благодарен за свое спасение и мысленно решил поставить за толстяка горящий светильник в храме Эгурия, пресвятого и предоброго покровителя воинов. Пусть Эстран в следующей инкарнации станет поваром на кухне какого-нибудь любителя вкусной еды.

Поставит светильник, если сам останется жив! Очередной огнешар взметнул Сергара вверх, сбросил его с бугра, на котором выстроилось бравое кайларское маго-воинство, и, ударив о твердую землю, вышиб из него дух, сломав ребра и едва не переломив шею.

Сергар уже не слышал, как врезались друг в друга стальные громады двух воинств, как в грохоте сталкивающегося железа стонали, кричали люди, ржали лошади, не видел, как оставшиеся в живых ганзы выстраивали рубеж защиты, падая под ударами вражеских магов – для него все закончилось.

Сергар, боевой маг пятой категории, первого ганза Корпуса Императорской Гвардии империи Кайлар, уже исполнил свой воинский долг.

* * *

Открыл глаза, прислушался – тихо, ничем не пахнет – ни гарью, ни тленом, ни сладким цветочным запахом. Никаких бродячих «огоньков», одушевленных трупов, цветов. С тех пор как Сергар занялся поиском артефактов, он перестал любить цветы. Пять лет назад, когда он решил заработать и впервые сунулся в «город мертвых», в первую же ночевку к нему подкрался одушевленный цветок и попытался выкачать кровь, присосавшись к голени.

Эта тварь выпускала вещество, которое полностью блокировало боль и любые ощущения, потому жертва узнавала о том, что ее выпили, только тогда, когда было уже поздно. Сергара тогда спасло только то, что он был довольно крепким мужчиной, да и цветок был небольшим, совсем молодым, неспособным вместить большое количество крови.

С тех пор бывший боевой маг, а ныне грабер Сергар Семиг ночевал только в относительно безопасных местах, предварительно не пожалев времени на то, чтобы оградить себя защитным заклинанием, даже если на защиту уйдет дорогая наговоренная соль и куча амулетов, заряженных Силой. Жизнь дороже!

За эти пять лет было всякое – заваливало в подземном ходе, отбивался от толпы бродячих мертвецов, лежал на земле, глядя, как над ним проплывает стая «бродячих огоньков», и молился, чтобы те не опустились отдыхать на его брненное тело.

Дрался с конкурентами – такими же, как он, ловцами удачи и разбойниками, поджидавшими граберов на дороге в город. Заимел десять шрамов, убил руками, ножом, камнем и всем, что было под рукой, больше двух десятков человек.

Заработал ли денег? Да, время от времени были деньги, но потом исчезали, растворялись в пространстве, как и все те, кто помогал потратить эти звонкие монеты.

Впрочем – не так уж и часто у Сергара заводились хорошие деньги. Большую часть времени он жил здесь, в развалинах, что остались после Кайларо-Зеланской войны, закончившейся сокрушительным поражением Кайлара.

Империя Кайлар проиграла, Император был казнен – мерзко, страшно, с помощью магии, превращен в воющий кусок обугленного мяса, жизнь в котором насильно поддерживали искусные маги Зелана – дабы мучился как можно дольше.

Император продержался тридцать три дня.

Кайлар стал сельской провинцией Зелана. Именно сельской, потому что, кроме сел, в империи Кайлар не осталось ни одного города с населением больше трех тысяч человек. Нашпигованные заклинаниями, забросанные разрушительными амулетами проклятые города стали прибежищем невероятной нечисти, время от времени выбиравшейся в людные места и производившей опустошение среди мирных людей.

Мирных, да, потому что всегда за войной приходит мир, и людям хочется жить, даже если империи Кайлар уже нет и правит совсем другой император – худой вместо толстого, зеланский вместо кайларского. Да какая разница, какой император?! Лишь бы не трогали, лишь бы не обижали, лишь бы дали жить!

Работа граберов заключалась в том, чтобы найти и отключить боевые артефакты, амулеты, продолжавшие вызывать из чужих миров толпы тварей, расплзавшихся по всему свету. А еще – по мере возможности уничтожать этих тварей.

За каждую тварь – серебряный деран, за отключенный артефакт, доставленный в пункт сдачи, – от золотого зеланского карана. Для сравнения: лекарь уровня Сергара зарабатывал золотой в неделю, и это в том случае, если у него были наработаны клиенты, и не абы кто, а из высших слоев общества – те, что остались после безжалостной бойни и грабежей, учиненных захватчиками. Кайлар еще не скоро залечит раны после страшной войны, и не скоро у его жителей появятся звонкие монеты.

Лекарь должен был получить патент в департаменте провинций, заплатить пошлину в размере пятидесяти золотых и только потом уже открыть свою практику. И то на землях провинции Кайлар, а не на территории коренного Зелана.

Сергар был уверен, что здесь подсустились зеланские маги-лекари, убиравшие кайларских конкурентов. Если лекаря ловили за тем, что он оказывал услуги клиентам и брал за это деньги, не имея лицензии и не платя налогов, ему отрубали левую руку. Попадался второй раз – голову.

Ну да – лечить, не получая денег, можно. Друзей, родню, соседей... пока кто-то из них не заявит, что ты занимаешься незаконной деятельностью. И тогда – держись! Агенты зеланской тайной службы наводнили провинцию так, что иногда казалось, что в Кайларе уже каждый второй доносит на соседа. Потому Сергар после того, как отошел от ранения в битве при Камгюре, навсегда оставил попытки заняться лекарской работой.

И чем тогда ему было заниматься? Ветеранов иногда брали охранниками караванов, но платили жалкие гроши, и это при том, что дороги наводнили бесчисленные шайки мародеров – из тех же ветеранов, – которые пытались выжить любым способом, даже если для этого нужно было отсечь башку незадачливому сытому купцу.

Только теперь, через пять лет после окончания войны, Зелан навел порядок на трактах, уничтожив, захватив, перевешав всех, кто хоть немного походил на дорожных разбойников. Сергара приглашали в одну из таких шаек, которая потом два года бесчинствовала на Карумском тракте. Сергар вообще-то неплохо дрался, научили, кроме того, боевые маги, коих было не так уж и много, всегда были в цене и в армии, и в разбойничьей когорте.

Нет, не смог он представить себя в шайке. Убить человека ради его монет? Насиловать женщин? Убивать детей? Скорее он пошел бы в охотники за преступниками.

Впрочем, бывших вояк кайларской армии не брали на государственную службу. На всякий случай. Мало ли что могут сотворить... особенно маги. Вдруг у них проснется желание мстить тем, кто превратил их страну в руины. Когда-нибудь забудется война, Кайлар прочно прирастет к Зелану, станет его неотъемлемой частью, и уже тогда... тогда можно будет нанимать кайларцев на службу. Но не сейчас – так считал император Зелана.

В общем, или драться, или лечить – больше Сергар ничего делать не умел. Да и не хотел. Потому за тридцать с лишним лет его жизни – ни дома, ни семьи – лишь раны, боль и полное разочарование этой жизнью, похожей на мутный поток, несущийся с гор после ливня. Попал в него – понесло, завертело, закружило, и пока не разобьет о жестокий берег, будешь нестись вниз по течению, молясь о том, чтобы прожить еще пару коротких секунд.

Встал, потянулся – мгновенно, неуловимым мягким текучим движением перешел в стойку «Журавль стоит на одной ноге», из нее – в «Кошка, прижавшаяся к земле», затем «Солнечный луч, пронизавший толщу воды».

Переходы, стойки, удары, движения, разгоняющие кровь, разогревающие мышцы, подготавливающие организм к выходу на улицы города, туда, где бродят толпы нечисти.

Все, что осталось у Сергара, это тело – сухое, тренированное, покрытое сеткой мелких и крупных шрамов. Тело и воспоминания, которые очень хотелось бы стереть из памяти.

Иногда он думал о том, что зря выжил в битве. Лучше как Эстран – бах! – и все закончилось навсегда. Зачем живет? Трус! Смелый человек давно бы перерезал себе глотку, а он, Сергар, – трус!

Впрочем, трусость – это не лишняя особенность человека, который ползает по проклятым развалинам. Смелые здесь очень быстро подымают или становятся трусами. Живыми трусами. Всегда лучше пересидеть, убежать, спрятаться, а не сражаться с погаными мутантами.

Сергар не был идеалистом, освобождающим мир от нечисти, совсем нет. Деньги, позволяющие прожить еще день, еще неделю, еще год – вот что его привлекало. И он уже не представлял себе другой жизни.

Выглянул из полуподвала. Сумрачно, солнце скрылось за тучами, моросит дождь – нудный, мелкий, противный. Сейчас бы сидеть у костра, слушать, как трещат на огне вкусно пахнущие дымом сучья, нанизать на палку кусок колбасы и хорошенько ее поджарить над жадными язычками пламени...

Нельзя. На пламя костра сбегутся толпы «поганых», а еще – из темноты могут прилететь стрелы хитников, для которых Сергар с тремя амулетами в рюкзаке лакомый кусок.

Поднял капюшон и бесшумно пошел по улице, стараясь держаться в тени и не наступать туда, где виднелись лужи, наполненные желтой дождевой водой.

Во-первых, противно. Хотя ботинки и пропитаны заклинанием отталкивания, но оно не вечно, а ну как сейчас прекратит работу – ходи потом с мокрыми ногами!

Во-вторых, лужа могла оказаться мокрешником и нормально оттяпать ногу по щиколотку, а то и выше... И где взять деньги на отращивание конечности? Лекари, хоть и нелегаль-

ные, дерут деньги так же, как те, что работают по патенту. Пусть и поменьше, но не настолько, чтобы растить руки-ноги каждый месяц. Если еще выползешь живым из этого мерзкого города, раньше бывшего третьим по величине городом Кайлара. На культе это точно окажется проблематичным.

Шагнул и тут же замер, прижимаясь к стене и стараясь не дышать – мимо стремительно, как арбалетные болты, пролетела стая птицеос, торопящихся по своим делам – надо думать, обнаружили болвана, в которого могут отложить яйца, из которых потом разовьются личинки, пожирающие человека изнутри.

Эти твари – птицеосы – впервые были замечены три года назад, и слава Создателю – их было слишком мало, чтобы нанести существенный вред человечеству. Если бы они размножались так же быстро, как настоящие осы... участь людей была бы незавидной. Почему-то их количество всегда было примерно на одном уровне, иногда их не видели месяцами – то ли твари впадали в спячку, то ли почему-то вымирали – этого никто не знал.

Сергар однажды видел человека, в котором обосновались личинки птицеос. И был бы рад забыть мерзкое зрелище. У этих гадов одна «приятная» особенность – пока мерзость не полезет из всех дыр, ты не узнаешь, что тебя едят изнутри. Более того – до поры до времени ты чувствуешь себя прекрасно – бодр, весел... даже слишком весел. Твари выделяют в кровь эйфорики, видимо, для того, чтобы «живой обед» раньше времени не начал выковыривать из себя мерзких паразитов, не почувствовал неудобства от того, что ему выедают внутренности. Как гады умудрялись не убить жертву, сожрав ее за считанные дни, – неизвестно.

Сергар давно уже подозревал, что птицеосы и их личинки совсем не безмозглые насекомые, какими их считают люди. Они разумны и знают, что делают, паразитируя на живых существах. И этим мало отличаются от людей...

Зашел за угол, привычно присел на корточки, изобразив из себя камень. Ткань длинной куртки стоила своих денег и потраченных на нее заклинаний! Балахон тут же принял цвет мостовой, и теперь Сергара практически невозможно увидеть со стороны. И это хорошо. Ему нужно было время, чтобы найти дорогу к следующему артефакту.

Сергар закрыл глаза, сосредоточился и вошел в Океан Силы, как обычно, захлебнувшись от восторга, испытав ощущение сродни оргазму. Он глубоко вздохнул, наслаждаясь покоем, теплом невидимого моря, омывающего его мозг, его тело, и тут же заставил себя заняться делом. Нельзя позволять Силе захватить себя без остатка, нельзя позволить ей размыть сущность, забыть о том, кто он есть, о том, что должен сделать.

Это первое, чему учат в любой школе магов – будь она гражданской школой или «учебкой» имперской армии. Те, кто не умел контролировать погружение в Силу, давным-давно сгинули в безбрежном океане могущества, оставив после себя тела, пускающие слюни и делающие под себя. Их сущность, она же душа, растворилась в великом Ничто, чтобы никогда больше не возродиться – даже в теле бродячего пса или больной кошки. И нет ничего страшнее, чем лишиться возможности прожить множество новых жизней, ведь если что и поддерживает неудачника, так это мысль о том, что уж в следующем-то воплощении он возьмет свое и станет не жалким дерьмочистом или нищим на базарной площади, а великим и ужасным полководцем, ставящим на колени могучие империи.

Артефактов было четыре. Два рядом, всего в сотне шагов от Сергара, и два подальше, больше четырехсот шагов на север. Удивился – такое скопление артефактов на, в общем-то, узком пятачке! С чего бы это?!

Один из объектов сиял, как факел, три – маленькие, наверняка обычные «свечные трубы». У Сергара от предвкушения удачи заглодело в животе – большой артефакт, скорее всего, был «безумным котлом», за который можно выручить не меньше сотни золотых! Ему всего раз за пять лет выпала такая удача – найти «котел»! И после того грабер три месяца ни в чем себе не отказывал, наслаждаясь вкусной едой, хорошим вином, девками, от которых не

пахло тухлятиной и гнилыми зубами! Сергар не сомневался, что сумеет его разрядить. Что-то, а колдовать бывший боевой маг умел, и силы у него хватало с запасом.

Мысленно артефакты виделись как сияющие точки в Океан Силы, и только опыт мага позволял определить примерное направление и расстояние. Именно примерное – потому что точное расположение объекта не мог указать никто. Артефакт мог располагаться и в легкодоступном месте, а мог быть погружен в землю на рост человека. И тогда добраться до него было делом сложным. Если вообще выполнимым...

Что-то шевельнулось у ноги, земля вспучилась, и, разорвав бугорок мокрой земли возле стены, выскочил ядовито-красный росток, похожий на человеческий палец, лишенный кожи. Сергар с омерзением посмотрел на эту пакость, как и цветок-кровосос, пробавляющуюся питием соков из человека, и медленно, осторожно достав из ножен на предплечье короткий широкий нож, срезал «пакость» у самого корешка. «Ведьмин палец» возмущенно раскрыл пять красных ротиков, задержался, но не издал ни звука – в этом возрасте пальцы еще не умели кричать. Из кармана в балахоне достал небольшую керамическую баночку и, следя за тем, чтобы желтая вонючая кровь пальца не капнула на одежду, поместил существо в фарфоровое узилище. Лекари давали за «палец» хорошие деньги. Это то ли существо, то ли растение шло на изготовление возбуждающего снадобья, после которого мужчина мог заниматься сексом ночь напролет, не утрачивая энергии и остроты ощущения. Каждый богатый человек имел в ларце с лекарствами заветную баночку, радующую владельца снадобья и его постельную партнершу.

Сергар неплохо разбирался в лечебных снадобьях. А что еще делать, если не умеешь лечить мановением руки, как знаменитые лекари? Ныне покойные. Или в бегах.

Почему-то именно на них, на знаменитых лекарей, обрушилась волна репрессий, когда Зелан наводил порядок в бывшей империи Кайлар. Их обвинили в кознях против человечества, приписали опыты над невинными младенцами и казнили десяток самых видных мастеров лекарского дела, что было, с точки зрения Сергара, совершеннейшим идиотизмом. Какая разница, какого вероисповедания и политических убеждений человек, если он прирастит новое тело к твоей глупой башке или вылечит твой вялый отросток, давно уже не прельщающий дам.

Зависть? Наверное, так. Чего-чего, но лечебное дело в Кайларе было развито не в пример лучше, чем в Зелане, славящемся своими боевыми магами.

Вздыхнув, Сергар убрал баночку с гадом в специальный карман и тихо двинулся по направлению к самому большому артефакту. Слава богам – улицы были чисты, если не считать стайки птицеос, никаких тварей за то время, что он находился на улице, Сергар не заметил. Ни живых трупов, ни «каменных пауков».

Не было и конкурентов – грабер просмотрел обозримое пространство на предмет нахождения ауры живых людей и никого не обнаружил на расстоянии ста шагов.

Впрочем, честно сказать, Сергар никогда не отличался особыми способностями в поиске людей. Он никогда не развивал это умение, в отличие от поисковиков, которые могли не только найти человека в магическом пространстве, самые лучшие могли указать местонахождение объекта даже по карте.

Не развивал, но... умел. Боевой маг есть боевой маг, и если он не взял понемножку от всех магических специальностей, медяк ему цена в базарный день. Каждый солдат – вне зависимости, есть у него магические способности или нет – должен заменить товарища в боевом строю. Маги не только мечут огненные шары. Если враг прорывается настолько близко, что применение магии невозможно без опасности для самого мага – он по старинке берет в руки меч, топор, алебарду, копьё – все, что угодно! – и крошит врага до тех пор, пока не уничтожит или не падет бездыханным. И по-другому быть не может.

Когда-то это здание было Управой. Здесь работали десятки чиновников, суетились, бегали курьеры, толпились люди, пришедшие за разрешениями, с прошениями, жалобами, со всем тем, без чего не обходится жизнь любого имперца. Чтобы разгрести этот бумажный поток,

требовались немалые усилия и огромное количество «канцелярских крыс», посматривающих на посетителей свысока, будто служение императорской власти делало их гораздо более значимыми, чем любой из тех, что зажали листок бумаги в потном кулачке и с некоторым испугом и оторопью наблюдают за конторским служакой.

Сергар бывал в таких местах не раз и не два, потому мог с уверенностью сказать, что подобная картина наблюдается в любом городе империи.

Наблюдалась. Теперь – пыль, полумрак огромного зала, паутина и... кости. Вернее, огрызки костей со следами мелких крысиных зубов.

Сергар сосредоточился, повернулся вокруг оси и выбрал направление движения, одновременно проверив окрестности. У границ чувствительности обнаружились два вялых «живых мертвеца», слоняющихся где-то в районе городского рынка. Они топтались на месте, сходились, расходились и не представляли никакой опасности. Пока не представляли. Стаю мертвяков, находящуюся в активном поиске, можно узнать сразу – они перемещаются почти бегом, будто зная, где находится живой человек. А может, и правда знают? Кто сказал, что мертвецы не обладают магическими способностями? Кто их исследовал? Сейчас не до научных экспериментов...

Артефакт сиял, будто солнце, так, что ослеплял. Сергар с трудом удержался, чтобы не прикрыться руками, и это было смешно – само собой, глазам ничего не угрожало. Объект светился только в магическом пространстве.

Говорили, что старые опытные маги в конце концов начинают путать магическое и реальное пространство. И это опасно – можно потерять себя, расщепить сознание, и тогда результат предсказуем.

Не выходя из магпространства, Сергар медленно подкрался к столу, за которым некогда восседал дежурный клерк. Остановился в шаге от объекта, удобно устроившегося на столе и выглядящего как случайно попавший сюда булыжник, протянул обе руки вперед, покачивая их вверх-вниз, будто разминаясь перед тренировкой, а когда вошел в ритм пульсации артефакта, резко потянул из него Силу, сделав из себя что-то вроде насоса, перекачивающего магическую энергию назад, туда, откуда она прибыла в «сосуд», именуемый магическим артефактом. В Океан Силы.

Через секунду он понял, что вляпался, как последний дурак! Артефакт был таким мощным, таким могучим, что с ним не смогли бы справиться и мастера-артефакторы, не то что одинокий, не очень умелый боевой маг! Магический водоворот Силы подхватил Сергара, стиснул его, как железными клещами, и бросил в бесконечность пространства, словно весенний поток щепку во взбаламученное море.

Последней мыслью было почему-то:

«Три артефакта в вещмешке... кто-то поживится! И крысы... Не повезло... мне не повезло!»

И пришла Тьма, поглотившая сознание без остатка.

* * *

Мария Федоровна тяжело вздохнула, выдернула подушку из-под затылка, осторожно придерживая голову Олега. Тот лежал тихо, едва дышал, глядя в потолок голубыми, будто выцветшими глазами. Выцветшими за время долгой болезни. Два долгих страшных года после катастрофы... и полгода неподвижности, похожей на кому. Нет, это не была кома в обычном понимании слова, Олег глотал, когда пища или вода попадали ему в рот, моргал глазами, когда они уставали от света, но... у него не было воли. Вообще никакой воли. С того дня, как он наглогался таблеток, после которых его едва откачали, Олег исчез. Вместо него появилось «нечто» – растение, овощ – бессмысленное, безмозглое, безвольное. Только через месяц после попытки

самоубийства сына Мария Федоровна узнала причину происшедшего – Оля. Та самая Оля, что вначале бывала у Олега часто, каждый день, а потом все реже, реже, реже... И когда не осталось надежды на то, что Олег будет снова ходить, исчезла совсем. Говорили, переехала вместе с родителями в новый дом, куда-то за город, в элитный поселок.

Как так получилось, что Олег встретил Ольгу у фонтана? Почему он поехал туда именно в тот день, когда она со своим новоиспеченным мужем решила сфотографироваться на фоне памятника влюбленным? Судьба, наверное.

Но это было последней каплей. Через несколько дней Олег покончил с собой. Да, именно покончил. Мария Федоровна за эти полгода обращалась к нескольким врачам, один был светилом медицины, профессором со стажем лет сорок, и он, как и все, сказал: поврежден мозг, и Олег умрет. Не Олег – тело Олега. Олега в нем уже не было.

То же самое сказал экстрасенс, которого Мария Федоровна пригласила после долгих раздумий. Ее одолевали сомнения – делает ли она правильное дело и будет ли общение с «колдуном» угодно Богу? За время болезни сына женщина истово уверовала, особенно тогда, когда врачи сказали, что нет надежды на поправку Олега и что поможет ему только чудо. А откуда ждать чуда, кроме как от Бога?

Экстрасенс оказался дядечкой лет шестидесяти, лысоватым, добродушным. Как ни странно – денег не взял, сказал, что с бедных не берет, особенно тогда, когда ничем не смог помочь.

А еще сказал, что Олега больше нет. Улетела душа, не хотела быть привязанной к телу. Осталась пустая оболочка, не человек.

После его ухода Мария Федоровна проплакала всю ночь, а потом решила, что будет поддерживать сына столько, сколько сможет. Пока жива. И пока жив Олег. И будь что будет.

Женщина посмотрела на худое, обтянутое иссиня-белой кожей лицо сына, потеряла свой высокий лоб, страдальчески сморщилась и помотала головой, отгоняя слабость – душевную и физическую.

Ей было трудно. Встать в четыре утра, подмести асфальт вдоль дома. Потом вымыть лестницы в подъезде. Платили немного, но зато она была рядом с сыном. Денег едва хватало, чтобы обеспечить себя и сына едой и лекарствами, но Мария Федоровна не жаловалась. Раз Бог назначил ей такое испытание, значит, он ее любит. И сына любит. И неважно, за что им досталась такая любовь. Совсем неважно. Главное – верить!

Стянула с Олега одеяло, пододвинула ближе кастрюлю с теплой мыльной водой и стала обтирать сына, время от времени обмакивая край фланелевой тряпки в пахнущую цитрусами жидкость. Закончив процедуру, перекатила Олега на бок, выдернула из-под него клеенку, простыню, перестелила, вымыв испачканную прорезиненную ткань в той же кастрюле, накрыла сына, взяла кастрюлю и пошла в ванную.

Через пять минут она уже сидела за дешевым кухонным столом и смотрела на экран телевизора, почти не понимая того, что говорит диктор. Да и надо ли понимать? Зачем? Опять война? Опять где-то упал самолет? Опять катастрофы? Значит, суждено! Значит, так надо! Ведь надо же было, чтобы здоровый, сильный, красивый парень сел на мотоцикл, купленный на заработанные им деньги, чтобы пьяная дура перебежала дорогу именно в этот день и чтобы после падения этот самый парень превратился в беспомощного инвалида, который ниже пояса просто ничто, кусок бесполезного мяса!

Надо ведь было, чтобы она, учительница литературы, пошла работать дворником и уборщицей подъездов! Значит, в этом был какой-то смысл? Ведь если нет – жить не для чего!

Незаметно уснула, положив голову на натруженные руки, гудевшие от усталости. Снилось ей, что Олег жив, здоров, что у него двое детей – ее внуков – и они бегают, шумят, шустрые, как таракашки! Только вот жена у Олега другая, не Оля. И это хорошо.

Проснулась, как от толчка, и тут же, всполошившись, вскочила с места – скоро придет Катя! Мария Федоровна дорожила учениками – деньги нужны. Все брали по четыреста-пятьсот рублей в час, она брала триста. Но клиентов все равно было мало. Особенно в последние месяцы. Кому охота приходить в дом, в котором лежит больной человек? Как ни мой, как ни вытирай – тяжелый запах болезни чувствуется, а еще – запах нищеты.

Когда случилась беда, Мария Федоровна распродала все, что у нее было, продала даже обручальное кольцо, оставшееся от покойного мужа, отца Олега. Муж попал в автокатастрофу, когда Олегу было пять лет, с тех пор Мария Федоровна жила одна. Нет-нет, она не была некрасивой – вполне симпатичная женщина, еще молодая, мужчинам нравилась, были у нее и романы, но... не сложилось. Почему? Да кто знает? Она и сама не смогла бы этого сказать. И предложения делали, хоть сейчас в загс, но... нет. Дальше постели дело не шло. Да и то нечасто. А теперь уж и совсем стало не до мужчин.

Умылась, и, уже когда вытирала лицо, в дверь позвонили. Метнулась, открыла, улыбнулась:

– Привет, Катенька! Ты, как всегда, вовремя! Молодец, не опаздываешь! Проходи.

Через два часа в кармане халата лежали шесть сотен, а мозг гудел, будто по нему прошел полк гусар. Девочка была на редкость туповатой да еще и уверенной в том, что в жизни ей совершенно не пригодятся правила русского языка, что самое ценное в этой жизни – ее длинные ноги, упругая задница, крепкая грудь и невинное личико, способное обмануть самого искушенного мужчину.

Впрочем, при всем этом аттестат совершенно не помешает. Иначе как поступить в престижный вуз? А ведь именно там легче всего поймать на крючок ценную добычу – какого-нибудь мажорчика с карманами, набитыми пачками денег.

Выпроводив мелкую «акулу», Мария Федоровна снова бросилась к Олегу, проверила его пульс – как обычно, ровный, слабый, будто у спящего. Пора кормить больного. Да и самой нужно поесть. Помрет – кто будет заботиться об Олеге? Служение сыну – вот ее послушание, подвиг! Ее предназначение!

Мария Федоровна перекрестилась на образа, выставленные в углу, на серванте, и медленно побрела в кухню, варить молочную кашу. Сегодня учеников больше не ожидалось, торопиться некуда.

* * *

– Ложечку! Еще ложечку! Ну, дорогой, кушай, кушай!

Мария Федоровна влила очередную ложку в рот Олегу, тягучая белая масса провалилась внутрь, запачкав белые, чудом уцелевшие в катастрофе зубы.

Зубам Олега завидовали все девчонки – ровные, белоснежные, с детства ни одного больного! И это в городе, где стоматологи процветают, копаясь в гнилых зубах горожан. Говорят – вода не очень хорошая, экология, потому уже в дошкольном возрасте начинаются хождения по зубным клиникам. Чуть заводятся деньги – норовят вставить себе протезы, искусственные зубы, выдирая родные, изъеденные кариесом. Слава богу, и у Марии Федоровны, и у Олега зубы были великолепны. Наследственность. Деды наградили. Вот только удачи не передали по наследству. И денег.

Утерев рот сыну, Мария Федоровна села рядом с ним на постели и задумчиво стала есть кашу. Она не замечала запаха, идущего от постели – притерпелась, привыкла.

Доела, поставила на тумбочку, бессильно сложила руки на коленях. Вспомнила Катю и горько усмехнулась – а может, и права девочка? Может, главное в жизни то, что она назвала? Длинные ноги, тугая задница и мордашка? Может, стоило ей, Марии, продать себя подороже?

Возможно, и Олег сейчас был бы здоров! Есть же такие клиники в Израиле – говорят, там творят чудеса! Все звезды летают на лечение за границу.

Нашла бы себе богатого мужчину, исполняла бы его прихоти, и было бы у нее все, что душа захочет. Кроме любви, конечно. Любовь за деньги не купишь. Даже за очень большие деньги. Тело – можно.

Размышления прервал глухой протяжный стон. Женщина вздрогнула, встрепенулась, нагнулась над сыном:

– Ты что?! Олежа, ты тут? Что, что хочешь?

У нее заколотилось сердце – очнулся?! Ожил?!

– Ооооыыххх... – простонал Олег, и глаза его, ранее безжизненные, моргнули, подвигались в стороны, будто он пытался понять, где находится, затем уставились на Марию Федоровну:

– Нех тарган дарк? Уи тан?

– Что, что ты сказал? – задохнулась женщина. – Я не поняла!

– Нех тарган дарк? Уи тан?! – повторил Олег и, закашлявшись, схватился рукой за грудь. С трудом сглотнул, прогоняя слюну и остатки каши в пищевод, поднял руку и внимательно посмотрел на обтянутую кожей худую кисть. Его глаза расширились, будто увидели что-то потрясающее, глухо охнул, попытался привстать на локтях, уперев их в подстилку, упал назад, тяжело дыша, и снова замер. Повернул голову набок и посмотрел на Марию Федоровну, будто чужой. Олег рассматривал ее так, будто видел в первый раз, так, будто она не была матерью, давшей ему жизнь, а совершенно незнакомым, странным человеком, непонятно как оказавшимся рядом с ним там, где он никогда не был.

И это было страшно.

* * *

Сергар с трудом пробился через темную пелену, открыл глаза, и... ничего не понял. Где он? Незнакомая комната, неизвестная женщина средних лет с усталым грустным лицом. Странно одета, а руки натруженные, как у матери Сергара... когда она еще была жива. Чем-то даже похожа на покойную мать.

Женщина что-то сказала – взволнованно, изменившись в лице. Из ее глаз покатались крупные слезы и упали на лицо Сергара. Женщина непроизвольным жестом протянула руку, отерла ему щеку. От ладони пахло молоком и чем-то хлебным, вкусным. Сразу забурчал живот, требуя еды.

– Где я нахожусь? – с трудом выдавил из себя маг. – Кто ты?

Говорить было так трудно, будто глотку забили опилками пополам с песком. Сергар закашлялся, попытался поднять руку к груди, едва осилил движение – рука была как из чугуна, неподъемная, тяжелая.

А еще она не принадлежала Сергару! Он знал свою руку – жилистую, потемневшую от загара, покрытую шрамами, ссадинами, с обрезанными кинжалом ногтями! А тут какая-то тонкая, обтянутая белой кожей рука с ровными, чистыми ногтями, и ни одного шрама, царапины, пятна от ожога!

«Я умер. Точно, я умер! И моя душа переселилась. Вот и не верь после этого в переселение душ! Подожди-ка, а почему тогда я помню прошлую жизнь?! Это неправильно! Я не должен ее помнить! Никто не помнит! Шутка богов?! И так – я взялся за артефакт, он сработал, вырвал мою душу из тела и унес ее... куда?!»

– Уважаемая, где я нахожусь? Ты понимаешь, о чем я говорю?

Женщина снова что-то сказала, потом всполошилась, выбежала из комнаты. Вернулась с небольшим ковшиком в руках. Подошла к Сергару и сильными руками, как ребенка, припод-

няла его под спину, усадила к стенке кровати, подоткнув подушку, осторожно приложила ковшик к губам мага. Жидкость в ковше пахла приятно – чем-то пряным, вкусным. Сергар отпил глоток, другой – питье оказалось очень сладким. Он совсем не любил сладкое, но сейчас этот вкус был приятен, он позволял ощутить, что Сергар еще жив. А раз жив – не все потеряно!

Пил, пока не ощутил тяжесть в желудке и пока ковшик не опустел. Женщина что-то озабоченно сказала, нагнулась, сунула руку под кровать и достала странное сооружение, не похожее ни на что из того, что Сергар видел в своей жизни. Плоское, почти круглое, с отверстием. Что это такое, он понял тогда, когда женщина начала совать эту штуку под него, отвернув в сторону простыню.

– Горшок! Ты хочешь подать мне горшок! – понял Сергар и попытался оттолкнуть его от себя. – Я сам! Я сам могу! Куда мне пойти?

Он снова попытался привстать, отжался на трясущихся от слабости руках, и тут его взгляд упал на ноги.

– Что?! Что это такое? – Сергар неверяще посмотрел на то, что должно было быть его ногами – тонкие палки, лишённые мускулов, изрезанные шрамами. Кости да кожа. И между ними, как насмешка, солидный мужской причиндал, доказывающий принадлежность Сергара к мужскому полу.

Женщина что-то сказала и укоризненно покачала головой, снова собираясь подсунуть горшок. Это ей удалось, тем более что Сергар не возражал – организм заработал как положено, и ему ужасно захотелось помочиться – ну не в постель же?

Сгорая от стыда, он сделал свои делишки, искоса наблюдая за женщиной, отвернувшейся к окну. Она задумчиво кусала губы, теребила ворот смешной рубашки, похожей на мужскую, а когда Сергар закончил, аккуратно выдернула из-под него сосуд, уйдя с ним куда-то в глубь помещения.

Сергар тут же натянул на себя простыню, принялся ощупывать ноги трясущимися и от слабости, и от волнения руками. Через минуту понял – дело много хуже, чем думалось! Похоже, что его новое тело дано в наказание за что-то! Кара! Ведь только в наказание можно было запихнуть его в хилое, изуродованное тело с неработающими, ничего не чувствующими ногами! Он калека!

Сергар больше всего боялся стать калекой – лишиться рук, ног, глаз. Сидеть на городской площади и просить милостыню? Бросаться на кусок, брошенный на землю, соревнуясь с бродячими собаками? Лучше смерть!

Застонал, закрыв глаза. Его снова накрыла волна дурноты, и Сергар, обрадовавшись, отдался спасительной Тьме, провалившись в беспамятство.

Очнулся от голосов. Возле постели сидел крупный человек в белом халате и белой же шапочке. Он рылся в большой сумке и после недолгих поисков достал оттуда блестящий предмет с длинными гибкими прутьями, неожиданно воткнул прутья в уши и потянулся к Сергару, приложил амулет к груди!

То, что это амулет, – сомнений не было. Человек явно лекарь, а нет ни одного лекаря, не владеющего магией! И нет ни одного амулета, который так просто, без дела, прикладывают к телу. Вот только зачем втыкать прутья в уши? Странная магия...

Ничего не ощутил. Обычно после воздействия лечебного амулета кожа горит, место, к которому тот прикасается, побаливает, но потом состояние резко улучшается. А тут – ничего! Совсем ничего! Только холод блестящего предмета и глухое бубнение незнакомца. Тот что-то говорил женщине, и она слушала, мелко и часто кивая головой.

Лекарь протянул толстопалую руку, схватил Сергара за веко, оттянул его, заглянул, удовлетворенно хмыкнул, кивнул. Потом вдруг засвистел под нос какую-то мелодию – не очень мелодично, шепеляво, но довольно весело. Снова хмыкнул, встал, что-то сказал женщине, и та вдруг приложила руки к лицу, затряслась плечами, заплакала.

Лекарь приобнял ее. Что-то прогудел, женщина сунула руку в карман и, утирая глаза запястьем, протянула незнакомцу какую-то разноцветную бумажку. Мужчина нахмурился, отмахнулся, заторопился к двери. Потом вдруг вернулся к постели больного, встал над ним и что-то требовательно спросил, четко разделяя слова.

– Кто ты? Лекарь? – спросил Сергар, рассматривая лекаря. – Чем ты лечишь, кроме амулета? Понимаешь меня? Нет?

Мужчина удивленно поднял брови, улыбнулся уголком рта и покачал головой. Повернулся к женщине, снова что-то сказал. Та кивнула, и тогда лекарь снова пошел к двери, не глядя ни на Сергара, ни на женщину.

Смысл сцены с первого взгляда был непонятен, но почему-то Сергару казалось, что женщина пыталась расплатиться с лекарем, но он не взял. Да и денег не было – разве можно назвать деньгами цветную бумажку? Впрочем, в мире Сергара были бумаги, называемые векселями или долговыми обязательствами. По ним можно было получить в банке настоящих монет. Возможно, это и был такой вексель. Или что-то наподобие.

После ухода лекаря женщина снова присела на кровать, погладила Сергара по голове и, счастливо улыбувшись, что-то сказала, снова капнув слезами на простыню.

– Я не понимаю! – с досадой сказал бывший боевой маг и закусил губу, бесясь оттого, что не может общаться. Нужно что-то с этим делать!

– Сергар! – он показал рукой на себя. – Ты?!

Женщина не поняла, неуверенно помотала головой, потом ее лицо нахмурилось, и она слегка сердито сказала:

– Олег! О-лег!

И коснулась рукой груди Сергара. Маг несколько секунд помолчал, кивнул своим мыслям, дотронулся до своей груди:

– Олег! Ты?

– Мама! Мама! – обрадовалась женщина и ткнула себя в грудь пальцем. – Мама!

– Ма-ма... – повторил Сергар. Дотронулся до покрывающей его ткани и вопросительно посмотрел на женщину.

– Простыня! – просияла она, и с этого момента все пошло побыстрее. Через несколько часов, с перерывом на обед, Сергар знал уже десятка три слов, с помощью которых можно было кое-как пообщаться на уровне: «пить», «есть», «дай» и так далее. Мало, да, но и это неплохо. Мама учила мягко, не раздражаясь, как монахиня из монастыря, обучающая детей письму и чтению. Сергар ходил в такую школу, пока родителей не унесла чума. После смерти близких он бросил дом, по дешевке распродал все вещи, что остались, и отправился в армию, чтобы остаться на службе навсегда. Или умереть.

Наконец женщина оставила Сергара в покое, в очередной раз погладив по голове, и он смог отдаться размышлениям, оставшись наедине с мыслями.

«Итак, я в чужом мире. Женщину звать Мама. Вот только сомневаюсь, что «мама» – ее имя. Судя по всему, она мать того парня, в тело которого я вселился. Отвратительное, больное тело. Впрочем, и оно лучше, чем ничего...»

У Сергара вдруг заняло сердце – тоскливо, щемяще! Возврата не будет, это точно. Что ждет здесь? Судя по всему, лекари у них никакие. Хотя... нельзя судить по первому попавшемуся лекарю! А может, и не лекарь это был? Тогда кто? Зачем он прикладывал амулет, если не лечил?

«А что я вообще переживаю? Что потерял? Семьи нет, дома нет, скитаюсь, как бродячий пес! Страна в разрухе, на всех кайларцев смотрят, как на опасных зверей! Того и гляди загребут в тайную службу, спросят: «Убивал наших солдат?!» И что я скажу? Да, убивал! Глупо отрицать очевидное.

Когда-нибудь должно было случиться то, что случилось. Один из артефактов забрал бы мою душу, и... все. Совсем все! А так – шансы есть.

Мясо? Оно нарастет. Плохо то, что ноги не шевелятся. Похоже, что парень побывал в переделке. То ли на войне, то ли... еще что-то. Много вариантов. Нужно узнать, что именно повреждено, почему не двигаются ноги. Позвоночник? Скорее всего. А тогда это очень, очень плохо. Если только нет сильного мага-лекаря, способного вылечить меня за одну минуту.

Впрочем, ну и был бы, откуда у меня золото на оплату его услуг? Нет, парень, придется тебе самому лечиться. Сам-то ты кто? Пусть не сильный лекарь, но кое-что ведь умею! Найти нужные травы, составить снадобье, отвары, напитать их Силой – и встану! Не за минуту, да, но все равно – встану! Хм... Силой? А с чего это я решил, что могу?!»

Сергар закрыл глаза, сосредоточился и раскрыл себя Силе, привычно ожидая толчка, удара могучего океана энергии.

Секунда, две, три... пусто! Ничего! Звон в ушах, красные пятна перед глазами – ничего! Совсем ничего!

Вот теперь ему стало по-настоящему страшно.

* * *

– Покушай-ка! Тебе надо хорошо кушать! Полгода пролежал на одной жидкой кашке! Истошал! Вот так... ешь, ешь! Еще ложечку... та-ак...

Мария Федоровна была счастлива.

«Очнулся! Вышел из ступора! Теперь все будет хорошо! Разучился разговаривать? Ну и что! Бывает. Доктор сказал – это не редкость. Много было случаев – человек выходит из комы и начинает разговаривать на неизвестном языке. А то и на нескольких! Главное – соображает! И реакция у него хорошая – на свет, на касания. Теперь покормить как следует, чтобы вес набрал, и все пойдет как прежде. Ведь бывает же – не ходил, не ходил, а потом – ррраз! – и пошел. Говорят, что порванные нервы прорастают заново. Опять же – наука не стоит на месте, придумают что-нибудь. Олегу лет-то всего ничего – тридцати еще нет! Только-только медицинститут закончил! Только жить начал! Главное – ожил, а все остальное потом!»

– Я сейчас принесу тебе телевизор, хочешь? Убрала на кухню, чтобы не мешался. А сейчас принесу. Принести?

Олег непонимающе посмотрел на Марию Федоровну, как-то жалко улыбнулся, и у нее опять защемило сердце. Ну какой он был раньше сильный, статный, красивый! Тень, одна тень осталась!

– Сейчас, сейчас, милый! – заторопилась женщина. – И штанишки тебе принесу, трусики. Я тебя раздела, чтобы удобнее было ухаживать, а сейчас ты сам уже будешь! Ты всегда ругался, когда я пыталась тебе помочь. Сейчас, сейчас!

Женщина исчезла на кухне, потом появилась, держа в руках небольшой плоский телевизор, подаренный соседом Виктором Ивановичем. Старый, здоровенный ящик, стоявший раньше на балконе, давно сгорел, а сосед как раз предложил свой, мол, не выбрасывать же? Слегка уронили, откололи облицовку, а так он рабочий.

«Как раз вовремя уронили!» – думала Мария Федоровна. Телевидение в доме было кабельное, не такие уж большие деньги, а без картинок на экране Мария Федоровна не могла. Хоть какая-то отдушина в беспросветной жизни. Кабельное еще Олег проводил, давно, до катастрофы. Был и большой, дорогой телевизор – продала, когда нужно было лечить сына. Все продала...

Пристроила на стенку, поставив в нишу, воткнула шнур, включила, повернулась к Олегу, хотела что-то сказать и тут же замерла с приклеенной улыбкой на лице. Сын был не просто

удивлен – у него глаза едва не вылезли из орбит, челюсть отпала, он привстал на локтях. Ощущение было такое, что увидел морского змея или нашествие инопланетян!

Мария Федоровна оглянулась на экран, может, там что-то невероятное? Да нет... бегают какие-то люди, то ли милиционеры, то ли бандиты – и не разберешь с первого взгляда-то. Женщина взяла пульт, переключила – ей не нравилась война, кровь, насилие. Лучше вот – мультик! Старый, хороший, с Винни-Пухом. «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро! Тарам-парам... тарам-парам...»

Снова оглянулась на Олега – тот тяжело дышал, впившись руками в постель, и не отводил глаз от экрана. То, что он увидел, почему-то его потрясло до глубины души! Вдруг подумалось: «Как будто никогда не видел!»

– Вот тебе пульт. ПУЛЬТ! Повтори! Это – пульт.

– Пулт! – с трудом выдавил из себя сын, не отводя глаз от экрана. – Пулт!

– Да не пулт, а пульт! – улыбнулась Мария Федоровна. – А то еще за нерусского примут! Правильно говори – «пульт».

– Пульт! – послушно повторил Олег и, взяв в руки этот самый пульт, повел над ним ладонью правой руки, будто хотел его рассмотреть, как ясновидящая Роза Кулешова. Мария Федоровна читала про нее, та вроде как кожей все видела.

– Не так надо, – снова улыбнулась женщина. – Ты что, колдун, что ли? Волшебник? Тут все просто – тычешь кнопки, переключаешь. Вот тут – каналы, тут – звук, тише-громче. Все, развлекайся, а я пойду работать. Мне нужно подъезды подмести. Часа через полтора приду, так что не скучай! О господи, помоги рабам твоим!

Мария Федоровна перекрестилась на образа и пошла к входной двери. Ужасно не хотелось идти, оставлять Олега, хотелось сидеть рядом с ним и смотреть, как он переключает каналы телевизора. Ощущение было такое, что она достала сына с того света. Из могилы. Из склепа.

* * *

Сергар обалдел. Магия! Все-таки есть магия! Он слышал об артефактах, которые показывают картинки, но чтобы так?! Запросто?! Какая-то женщина принесла артефакт, поколдовала, и... вот! Люди – ходят, бегают, сидят, поют, играет музыка! Потрясающе! Этот мир ушел вперед от мира Сергара на сотни, а может, тысячи или сотни тысяч лет?! А может, это его мир? Может, Сергар перенесся в будущее?

Бывший боевой маг, затаив дыхание, смотрел в магический артефакт и ничего не понимал. Люди что-то делали, жили своей жизнью, садились в странные повозки,двигающиеся без лошадей, даже летали по воздуху!

Мир колдунов! Мир магов! И он – несчастный, убогий, безногий, полностью лишенный магии! О боги... это жестоко!

Сергар не мог себя представить без магии. Он начал магичить, когда ему было пять лет – довольно рано даже по меркам провинции Олхон, славящейся своими магами. Было что-то – то ли в воде, то ли в земле этой местности такое, что помогало рождаться магами. Здесь их было больше всего в Кайларе, особенно лекарей.

Впрочем, может, и не было ничего удивительного? Почему в лесных провинциях могут рождаться будущие лесорубы – мощные, плечистые (очень хороши в алебардистах, в тяжелой пехоте!), в горной местности – сухие, невысокие, жилистые (отличные стрелки из луков!), в степи – кряжистые, квадратные (наездники, само собой, и мечники), а в Олхоне не могут рождаться маги? Кровь смешивается, потомки магов селятся тут же, так что – закономерный результат.

Мать Сергара была лекаркой, очень хорошей, известной магией. Что, впрочем, не убергло ее от черной чумы, сражающей за считанные минуты. Не убереглась. Как и отец.

А вот Сергар за каким-то демоном уцелел! Вероятно, для того, чтобы получить свое тут, в пахнущей мочой и потом постели, впитавшей все запахи больного тела.

Оставив на тумбочке рядом с кроватью артефакт, который женщина назвала «пультом», Сергар откинул простыню, снова с ненавистью уставился на свои усохшие, бледные ноги, торчавшие, как коряги на речном берегу – бессмысленные, ненужные, годные лишь на растопку костра. Ему хотелось в туалет. Мама поставила горшок так, чтобы он достал, но... Сергар решил потерпеть и попробовать выбраться из дома во двор. Он видел, как женщина открывала дверь, и решил выйти... вылезти на воздух, сделать свои делишки там, а заодно посмотреть на небо – как оно отличается от того, к которому привык? Вот только прежде нужно что-нибудь на себя надеть, не в этой же смешной безрукавке появляться на белый свет?

Взял со стула странные трусы, сделанные из невиданной ткани – упругой, растягивающейся, как тонкая кожа. Никаких завязок, крючков – как их носить? И штаны... тоже странные. Тоже упругая ткань, и тоже нет завязок! Опять магия!

Подтянулся за спинку кровати назад, сел, опершись спиной. Голова закружилась, будто он лежал уже много дней. И лежал ведь! Только не он, а это тело, к которому Сергар не мог пока привыкнуть. После своего тренированного, могучего, выносливого тела – этот мешок с костями?! Ай-ай... беда!

Подтянул руками за голени, по очереди продел в дырки ноги, натянул одежду. Почувствовал себя гораздо увереннее. Мужчина без штанов – это совершенно незащитный мужчина. Вспомнил, как за кружкой пива рассказывал один из ветеранов: *«Как толькоймаешь лазутчика, и нужно срочно допросить, первым делом не морду ему бей, а снимай штаны! Раздевай догола! И сразу спеси-то у супостата поменьше! Сразу разговорчивее делается! Особенно когда кинжалом потеребишь его хозяйство...»*

Сергар вырос на войне, возмужал, видал всякое, но как только представил, что кто-то покушается на его мужское достоинство... все в душе перевернулось. Стать не мужиком и не бабой – есть ли хуже судьба?

И тут же усмехнулся: а вот это – не хуже? Но тут же выругался самой грязной солдатской бранью, которую знал – чего рассопливился? Он что, жизни не видал?! Голодным не останется – Мама накормит! Крыша над головой есть! Так что еще надо?! Ноги? Он что, не лекарь?! Ну нет у него магии, так есть же в мире травы, специальные упражнения, есть знания и воля! Война не убила, «живые трупы» не убили, боевой артефакт не убил – неужели он не сможет выжить здесь, в ином мире?! Сергар осторожно подполз на руках к краю кровати, задыхаясь и борясь с дурнотой. Перевалялся и... шлеп! Плюхнулся на твердый пол, как огромная жаба. Пополз, подтягиваясь, скрипя зубами, ругаясь, как старый алебардист. Не к двери, а к окну, из которого падал свет.

Первое дело – определиться на местности, не подвергая жизнь опасности. Это знает каждый боец. Те, кто не знали, давно сгнили на кровавых, покрытых трупами полях.

Дополз до стены, правой рукой уцепился за белый, прохладный подоконник, подождал пару секунд, чтобы собраться с силами, схватился второй рукой и одним усилием, рывком подтянул себя вверх, к прозрачному стеклу, стоившему огромных денег. Такие стекла в мире Сергара были большой редкостью.

После усилия перед глазами завертелись кровавые круги, в голове зашумело, но все-таки сумел удержать себя в сознании. Кое-как укрепился, опершись грудью и локтями, прогнал дурноту и посмотрел за окно, чтобы, ослабнув, грохнуться на пол так, что в ушибленной голове зазвенели храмовые колокола.

То, что он увидел, потрясло до глубины души!

Не было двора, не было зеленой травы или мостовой – он находился в небе! В небе, над землей, в башне! Люди – маленькие, как муравьи, где-то внизу, безлошадные повозки, и небо – голубое, ясное, в котором плавало желто-белое светило!

Мозг, перегруженный информацией, вдруг отключился, будто кто-то врезал по нему здоровенным поленом, и Сергар потерял сознание. Он уже не слышал, как пришла Мария Федоровна, как хлопотала вокруг него, как тащила на кровать, заливаясь слезами, как укутывала его и, сидя рядом, держала за руку, надеясь, что сын снова не впал в кому.

Он не слышал, как Мария Федоровна пересчитывала оставшиеся в доме деньги, прикидывая – как дожить до прихода пенсии Олега и до зарплаты в управляющей компании.

Сергар сейчас был в мире снов, и в этих снах впервые не было войны. Только небо, луг и дом – тот, что он когда-то бросил, уходя в неизвестность.

И родители – живые, здоровые, улыбались и махали ему рукой.

Сергару было хорошо.

Глава 2

– Сам. Мама! Сам!

– Ну, сам так сам! Кушай, кушай!

Мария Федоровна, счастливо улыбаясь, смотрела, как ест Олег – аккуратно, по-мужски, не жадничая, но с наслаждением, как после долгой, тяжелой работы. А чем не работа? Лежать полгода пластом, глядя в потолок – хуже работы нет!

Мария Федоровна незаметно перекрестилась – все налаживается! Скоро Олег поднимется, будет снова ездить на коляске, лазить в Интернете. Может, и работу найдет – а что?! Работают же в Интернете, почему бы и нет? Перед тем, как попытаться покончить с собой, Олег говорил, что нашел какую-то работу в Сети. Может, еще не поздно?

Жалко, ноутбук он тогда выбросил с балкона... едва не прибил соседку... ругани-то было! Но обошлось. Елена Васильевна хорошая женщина, все поняла. Потом приходила, тортик принесла, утешала... Нужно будет ему компьютер купить. Или ноутбук. Тяжело, но куда деваться? Без этого никак.

Разучился разговаривать? Так чихать на это, как говорит Катя. Он уже учится! Быстро учится! Всего две недели, а он говорит, как диктор с телевидения! Ну... почти как диктор, да. Ошибается иногда, но все понимает, молодец! Сколько таких случаев было – люди теряют память, а потом вдруг – рраз! И снова все вспоминают! И он вспомнит. А не вспомнит – ну и ладно! Главное – живой, остальное приложится.

Сергар проглотил последнюю ложку, вытер тарелку хлебом и забросил его в рот. Под внимательным, укоризненным взглядом Мама виновато улыбнулся и неожиданно для себя подмигнул ей левым глазом. Та фыркнула и покачала головой.

– Учю тебя, учю, а ты опять за свое? Нельзя вытирать тарелку хлебом! Нельзя прихлебывать с шумом! Нельзя рыгать! Это некультурно!

– Я не понимаю, что такой есть «некультурно»! – в который уже раз вяло трепыхнулся Сергар. – Мне так удобно! Я не хочу никому зла, просто мне так приятно!

– Не хочу зла, – поправила Мария Федоровна. – Так принято у воспитанных людей, и так нужно делать! Ты же не какой-то уличный бродяга, ты сын учительницы! Нужно сморкаться не на пол, а вытирать нос платком! Нужно уметь себя вести за столом, в обществе! Таковы правила поведения, и если ты будешь вести себя иначе – на тебя все посмотрят как на невоспитанного болвана. Тебе это надо?

– Не надо, Мама, – понимающе кивнул Сергар. – Я буду стараться быть культурным. А ты мне поможешь. Я просить тебя...

– Я хочу тебя попросить. Или: «я прошу тебя», – снова поправила Мария Федоровна. – Что ты хотел, сынок?

Сергар ненадолго замолчал. Его в очередной раз кольнуло в сердце – сынок! Если бы она знала, как бы отреагировала? Скорее всего – не поверила. Решила б, что сын бредит, что у него с головой не в порядке. А если бы поверила – тогда что бы сделала? Выбросила из дома? Вряд ли. Зачем тогда ее мучить? Нет, нужно молчать. Когда-нибудь... может быть. А сейчас – молчать.

– Я хочу тренировать мускулы. Занятия! Тренировка! – пояснил Сергар. – Как мне сделать? Чтобы на кровать!

– Чтобы на кровати, – Мария Федоровна задумалась, потом просияла лицом. – Я знаю, что тебе надо! Ты давно говорил, что нужно сделать, и даже чертежи нарисовал! Сейчас найду и закажу у себя на работе! Ребята сделают недорого, да и пенсия твоя пришла, есть на что! Сделаем!

Мария Федоровна заторопилась и через пятнадцать минут ушла, захлопнув дверь, оставив Сергара перед телевизором, который стал для бывшего мага самой необходимой в этой жизни штукой. Источник информации, окно в мир – это было просто великолепно! В странный мир. Мир без магии...

Да, да – как ни странно, магия тут считалась вымыслом! Она была только в сказках!

Сергар пытался дотянуться до Океана Силы и не мог. Несколько раз ему казалось, что он вот-вот почувствует, коснется, дотянется, черпнет и... нет, не получалось. Что-то будто отталкивало, тормозило, не пускало мага к живительному источнику Силы!

Вначале он впал в отчаяние. Скрипел зубами, стонал от бессилия, от безнадёги, от невозможности восстановить свое умение. Он с детства привык к тому, что умеет магичить – первый раз магия прорвалась у него тогда, когда Сергар хотел поджечь костер, разложенный с двумя друзьями, Ивом и Калегаром, на опушке леса. Щелкал кресалом, пытался раздуть искру, но сырой мох не желал тлеть и загораться, и тогда Сергар в сердцах представил, как вспыхивает костер, и... очень-очень этого пожелал, случайно махнув рукой так, как это нужно для вызова огня. Огонь полыхнул так, что спалил ему ресницы, брови, подпалил волосы. После этого от Сергара весь день пахло паленой свиньей.

Конечно, родители сразу же разоблачили потерпевшего, заставили рассказать о происшедшем, и... Сергар думал, что получит нагоняй, что его будут ругать, но все получилось ровно наоборот! Родители закатили пирушку – сын стал магом! Это ли не повод для торжества?!

Впрочем, скоро Сергар пожалел о том, что в нем проснулся дар магии. К занятиям в школе добавились занятия по волшебству – его учила мать между приемами больных. И лучше бы он все это время гулял с друзьями на улице, а не повторял названия трав и учил пассы, которые помогают пользоваться Силой. Тогда ему очень не хотелось тратить свое время на занятия магией, а вот теперь он мечтал, чтобы кто-нибудь как-нибудь вернул способность колдовать. Без этого умения он был все равно как человек без правой руки.

Кстати сказать, Сергар уже терял руку, правда, левую, не правую – удар вражеской алебардой во время Тундурского прорыва – так что мог с полной ответственностью сказать, что знает – каково это, без руки. Теперь же он знал – каково это жить, когда без магии.

Сергар перевернулся на живот, привычно оперся на руки, уже не такие болезненные и дряблые, как две недели назад, и начал отжиматься, с удовольствием чувствуя, как расходится кровь, как сильнее бьется сердце.

С хорошей кормежкой и уходом молодой организм брал свое. Мускулы, усохшие до размеров бельевой веревки, превращались в канаты – твердые, упругие, способные к работе. Сергар уже легко отжимался полсотни раз подряд, посвящая этому все свободное время. А времени у него было три больших часа и еще десять маленьких тележек. Собственно – все его время было свободным. Впервые в жизни. И это ему начало даже нравиться.

С тех пор, как он поступил на службу, у него никогда не было свободного времени – так, как это понимает обычный человек. Сергар не был волен пойти туда, куда он хочет, делать то, что хочет, а когда перестал быть военным магом, всю жизнь заняла борьба за выживание. Нет, конечно, он мог бы не делать то, что делал. Волен идти в мертвые города, волен не идти. Вот только что тогда? Как жить? Кто бы его накормил, дал чистую одежду, позаботился о нем? Как здесь...

С другой стороны – все это было странно. Он, здоровенный мужчина, лежит в постели целыми днями или передвигается по дому на странной колесной тележке (довольно удобной! И почему в его мире никто не озаботился такими телегами для калек?), а женщина – хрупкая, не очень молодая, гробится на работе, чтобы его прокормить. Стыдно! И ничего нельзя сделать.

Ну что он может? Пойти на улицу, просить милостыню у прохожих? Ему, боевому магу, прошедшему десятки битв?! Уничтожившему несколько сотен нежити, магических тварей?! Убившему десяток разбойников, покушавшихся на его жизнь?

Нет уж. Восстановит силы, а там видно будет. Когда-то он неплохо рисовал, вырезал фигурки острым ножом из мягкого дерева (очень нужное умение для изготовителя артефактов) – можно попробовать заняться этим и здесь. Кроме того, Мама что-то говорила про заработок в каком-то там «Интернете». Пока неясно, что это такое, но почему бы не испытать себя? Попробовать?

Главное – не отчаиваться! Станный мир, странные люди... многое из того, что Сергар видел в телевизоре, было для него не просто странным – невозможным! Например, «пенсия» по инвалидности! Платить всю жизнь человеку, который потерял здоровье по собственной глупости, упав с самоходной повозки? Ни один нормальный император не подписал бы такой указ! Ладно там – получил увечье на войне, на службе императору – да, выплачивается пособие, не такое большое, но с голоду умереть не дадут. Но чтобы так?!

А еще более странно было то, что императора как такового и не было. Правил страной «президент», которого, как понял Сергар (и переспросил у Мама), выбирает весь народ! Он не получает власть по наследству и не может ее передать кому-нибудь из своей родни! Чудеса! Вот это настоящие чудеса!

За две недели Сергар впитал местный язык, называемый «русским». Тренированная учением магии память легко приняла в себя незнакомые понятия.

Он не только неплохо выучил слова, но и уже приучил себя мерить расстояния в километрах, длину – в сантиметрах и метрах. Здесь он останется, скорее всего, навсегда, так что нужно жить так, как живут обитатели этого мира. Учиться, учиться и учиться.

Уже на второй день после своего перемещения Сергар потребовал от Марии Федоровны учить его грамоте и чтению – параллельно с обучением языку. Кстати сказать – так учить язык получалось гораздо быстрее. Сергар подозревал, что его обучение шло так быстро неспроста, и те знания, которые имел хозяин тела, никуда не делись. Исчезла душа, но где-то в глубине головы таилась информация, которую нужно было только лишь достать, разбудить, воспользоваться.

Сергар уже лихо разъезжал по квартире, ловко, на одних руках забираясь в инвалидное кресло на колесах, умел пользоваться газовой плитой, сам мылся в ванне и посещал туалет, что для него было очень важным делом. Нет ничего унижительнее для взрослого мужчины, чем неспособность самостоятельно справиться свои естественные надобности. И все равно главным местом его обитания оставалась кровать. Телевизор стоял напротив кровати – окно в мир. Окно в жизнь.

Прозвучал звонок. Долгий, как будто кто-то никак не хотел оторвать палец от кнопки. Сергар едва не вздрогнул – он никак не мог привыкнуть к резкому дребезжащему звуку, извещающему о том, что пришел редкий посетитель. Очень редкий. Катя, которой Мария Федоровна давала уроки, больше не появлялась. Видимо, решила, что знаний ей хватает, а больше желающих получить знания не было. На радостях Мария Федоровна забыла дать объявление о своих услугах – по крайней мере, так она сказала. Куда дать объявление и что вообще значит – «дать объявление», Сергар так до конца и не понял. Разберется. Будет время...

Подъехав к двери, собрался открыть и вдруг опустил руку. Кто там, за дверью? Он уже насмотрелся всяческих «сериалов», как их называла Мама, и во многих из них грабители попадали в дом вот так – позвонив в дверь. Негоже старому граберу оставаться безоружным, особенно в чужом мире.

Сергар быстро покатился в кухню и взял со стола заточенный нож. Сам точил! Незаточенные ножи в доме – верный признак отсутствия мужчины! Сунул нож в рукав, потому что привык носить его на запястье, и снова покатился к двери. Щелкнул замком, толкнул дверь.

На пороге стояли двое мужчин. Один – представительный, в явно дорогой одежде, на шее полоска ткани, которую здесь называли «галстук», в руках кожаная сумка – в такой тут носят документы.

Второй похож на охранника либо на разбойника. Крепкий, в кожаной куртке, похожей на ту, в которой много лет ходил Сергар, только новой, и не на завязках и крючках, как положено нормальной куртке, а на смешной «молнии», принятой в этом мире. На ногах – черные остроносые башмаки, штаны широкие, из синей ткани. Взгляд – цепкий, пронзительный.

Сергар знал таких людей – опасные, непредсказуемые, как дикие звери. Они могли взвиться в приступе непредсказуемой ярости, а могли быть спокойными, как могила. Сергар сам был таким. Когда-то. Старый вояка, знающий вкус чужой и своей крови.

Нож приятно холодил руку, Сергар внимательно смотрел на посетителей, а те осматривали квартиру – лениво, но так, как покупатель на рынке осматривает кобылу, которую хочет купить – заглядывает в зубы, под брюхо, шупает ноги и хлопает по крупу, хая покупку, надеясь обдурить продавца.

– Что надо? – неприветливо спросил Сергар, глядя на то, как «бандит» по-хозяйски ходит по комнатам, заглянув даже в туалет.

– Ну что же так неприветливо? – слащаво улыбнулся тот, что в галстук. – Ты, насколько я понимаю, Олег?

– Что надо, я спросил! – холодно и жестко повторил Сергар и тут же добавил: – Эй, рожа, к двери. И встать там! Нечего тут топать!

«Бандит» внимательно, спокойно и оценивающе посмотрел на «Олега» (Сергар произвольно коснулся рукояти ножа), но послушался, подошел к двери, встал, опершись на стенку, задумчиво щуря глаза в пространство.

– Олег, у нас очень выгодное предложение к тебе и к твоей маме! – заторопился «галстучник». – Наша фирма называется «Золотая осень», мы занимаемся помощью старикам, инвалидам, неимущим. Вот тебе, кстати, нужны деньги, чтобы заняться лечением. У мамы, насколько я знаю, денег нет?

Сергар промолчал, настороженно глядя на «галстучника», вернее, на его толстые губы, шлепающие, мокрые, блестящие, будто он только что съел что-то жирное.

– Ну вот! – благодушно кивнул человек. – Я – Алексей Борисович Алтуфьев, директор «Золотой осени», а это мой компаньон, заместитель, Андрей Иванович. Мы хотим сделать вам предложение, очень выгодное, очень хорошее!

Дверь вдруг раскрылась, в нее, улыбаясь, вошла Мария Федоровна. При виде незнакомцев улыбка ее увяла, и Мария Федоровна спросила, подойдя к Сергару и заслоняя его всем телом, будто хотела укрыть от всех бед в мире:

– Что? Что вы хотите? Кто вы?!

– Я только что рассказывал вашему сыну, – не смутившись, продолжил мужчина. – Я директор фирмы «Золотая осень». Мы хотим сделать вам выгодное предложение!

– Какое? – Мария Федоровна покосилась на громилу у стены и вцепилась в спинку инвалидного кресла.

– Мы хотим предложить вам сделать размен! Вы получите много денег! И дом за городом! Великолепный коттедж со всеми удобствами! Вы же оставляли заявку в риелторской конторе? Они передали ее нам, вот мы и здесь. Не сомневайтесь – это очень, очень выгодное предложение!

– Сколько? – устало спросила Мария Федоровна. – Что за коттедж?

– В деревне Марьино! – оживился Алексей Борисович. – На берегу речки, большой огород, рядом лес, грибы, замечательно!

– Сколько? – повторила Мария Федоровна, внимательно глядя на собеседника.

– Пять миллионов! Пять! И дом! Вы сможете вылечить сына, в Марьино есть школа. Вы же учительница? Так вот! Будете работать, сын будет работать – когда встанет на ноги! Соглашайтесь! У нас все уже готово! Сто тысяч аванса при подписании договора, остальное

– в течение недели! Замечательно! Хоть сейчас! И я бы советовал – прямо сегодня! Ковать железо, пока горячо! Вот принцип деловых людей!

Мария Федоровна бросила взгляд на ноги сына, укрытые пледом, обвела взглядом квартиру – опостылевшую, пропахшую болезнью... Алексей Борисович, видно, почувствовал ее колебания и тут же заторопился.

– Вот, смотрите – деньги! Со мной!

Он вынул пачку пяти тысячных, перетянутую резинкой, показал Марии Федоровне, потом достал бумаги.

– Глядите – вот договор, вот наш штамп, печать. Мы работаем на рынке услуг уже десять лет! И еще не было никаких нареканий! Ваша квартира стоит около десяти миллионов – район неплохой, но не особенно престижный. Две комнаты, а в коттедже будет четыре комнаты! И огород! Большой! Сын сможет загорать на солнце – смотрите, какой он бледный! Вы ничем не рискуете – все будет сделано через нотариуса, он следит за чистотой сделки. В договоре есть пункт, по которому – если не выполняется хоть одно условие, договор расторгается, аванс не возвращается, а вы вселяетесь в эту же квартиру, и никто вам не сможет помешать! Закон на вашей стороне! Сейчас все строго! Я вам по секрету скажу – нам нужна эта квартира – есть клиент, который хочет купить и соседние, только я рассчитываю на вашу порядочность – никому не говорите!

Мужчина заговорщицки прижал палец к губам.

– Тссс! Мы же должны заработать! Ваша квартира для нас просто счастье! Выгода!

– Шесть. Шесть миллионов и коттедж, – твердо заявила Мария Федоровна. – И оформление у нотариуса. И вперед – пятьсот тысяч. Тогда я согласна.

– Ох вы какая... штучка! Вережки из нас вьете! Хитры! Поняли, что мы торопимся! – восхищенно прищелкнул языком Алексей Борисович и сокрушенно покачал головой. – Триста! Больше не могу! Честно! И так вам условия лучшие, чем у остальных!

– Фото коттеджа есть? – оборвала Мария Федоровна. – Документы, подтверждающие, что это тот самый коттедж? И что он в таком состоянии, как вы указываете в договоре?

– Конечно! Конечно! – заулыбался. – Заверим у нотариуса! Вот фото, смотрите!

Мужчина достал планшет, открыл.

– Смотрите – река, вот пруд – это в полукилометре от вас. Вот центр села – видите, какая хорошая школа? Марьино – поселок городского типа, не просто так! Там и больница есть! Вам хватит денег и сына вылечить, и прожить, пока он не встанет на ноги! В Израиле – чудеса врачи творят! Это наши бестолковые, а там... там просто маги, колдуны, волшебники!

Сергар едва не вздрогнул и внимательно посмотрел на говорящего. Неужели там есть маги?

Мария Федоровна вздохнула, присела на табурет возле двери. Да, она слышала про израильские клиники. Бухгалтер управляющей компании рассказывала, как там ставят на ноги безнадежных больных! После того разговора и запала в голову Марии Федоровны мысль о чудесных израильских врачах. А когда Олег каким-то чудом очнулся, пришло решение. Все, что у нее осталось, – квартира. Хорошая квартира. Если ее разменять на квартиру похуже, с доплатой, так, чтобы хватило на лечение, почему бы и нет? Это выход!

– Хорошо. Триста вперед, остальное в течение недели после совершения сделки. Я согласна.

– Чудненько! – всплеснул руками мужчина. – Андрей Иванович, поезжай за нотариусом, вези сюда. Зачем Марии Федоровне ножки трудить? Сейчас все и сделаем. А завтра можно и переселиться. С утречка! Но хочу предупредить – наше предложение действительно только сегодня, завтра клиент улетает на Багамы, и все может сорваться! Нам нужно успеть заключить сразу две сделки – с вами и с ним!

– Не завтра переезжаем, а когда деньги получу, – помотала головой Мария Федоровна. – Иначе я не согласна. Знаю я вас – оставите без жилья, я видела в новостях про черных риелторов!

– Да перестаньте, вы что?! – искренне возмутился Алексей Борисович. – Ладно, мы согласны. Неделя. Как только деньги у вас в кармане, тогда и переедете. Но сделку сегодня. Согласны? Деньги идут через банк несколько дней, вы же понимаете, что такие деньги никто не держит наличными?

– Согласна. Везите нотариуса, – устало кивнула Мария Федоровна, и перед ее глазами снова встали беспомощные, высохшие ноги сына. – Я готова. Но я должна спросить сына. Он такой же хозяин квартиры, как и я. Мне нужно с ним поговорить.

– Хорошо, хорошо, – развел руками Алексей Борисович. – Мы пока что поедem за нотариусом, а вы тут переговорите. Я вам точно скажу – больше ваша квартира не стоит, подумайте! Это единственный ваш шанс помочь сыну!

Оба гостя вышли, и Мария Федоровна осталась наедине с сыном. Она не смотрела на Олега, но чувствовала, как его взгляд сверлит ее.

– Мама, это на самом деле надо? – нарушил тишину Сергар. – Мне эти человеки не нравятся. Они похожи на мошенников.

– Не человеки – люди, сынок. Мне тоже не нравятся. Но они привезут нотариуса – это тот, что надзирает за законом, регистрирует сделки. Нотариус знаешь сколько зарабатывает? Они за свое место отдают кучу денег, чтобы их назначили, очень трудно стать нотариусом. Зачем им обманывать? Тем более что я проверю документы! Документы нотариуса, договор, все проверю! Все риелторы жулики. Всегда стараются обмануть. Но если сделать правильно – не страшно. Деньги нужны, сынок. Нужно тебя поднимать на ноги. Я решила! Помоги мне. Ты тоже должен будешь подписать договор на обмен квартиры. Без тебя никак. Ты тоже ее владелец.

– Я их убью, если они тебя обманут. Убью!

– Все будет в порядке, сынок! – Мария Федоровна улыбнулась и ласково потрепала русые, почти седые волосы сына. – Убийец, тоже мне! Ты и охотиться-то не можешь, я помню, как ты курицу отказался зарезать, что нам баба Маша из деревни привезла, а туда же! Убью! Молчал бы уж, вояка! Скоро будем на природе, деревенское молочко пить, а потом повезу тебя в Израиль, в жаркую страну, где живут врачи-волшебники. Они полечат тебе ножки, и ты снова побежишь по дорожке! Как зайчик!

– Они правда волшебники? – напряженно спросил Сергар. – Лечат колдовством?

Мария Федоровна удивленно подняла брови и заглянула в лицо сыну:

– Ты что?! Серьезно?! Вот ты чудак! Все в колдунов веришь?!

Она широко улыбнулась и снова пригладила волосы сыну.

– Это просто так говорится: «кудесники», «колдуны»! Просто отличные врачи, а еще у них очень хорошее оборудование. Очень хорошие врачи. Ухаживают, лечат. Стоит это все дорого – для иностранцев, но зато результаты правда колдовские. Я уверена – ты будешь ходить! У нас пошла белая полоса! Ты очнулся, ожил, и теперь все будет хорошо!

* * *

Остаток дня прошел в суете. Риелторы появились через час, с молодой элегантной женщиной, представившейся нотариусом Ольгой Петровной Загоруйко. Она показала свои документы, подтверждающие ее полномочия, Мария Федоровна прочитала договор, в котором все было прописано так, как надо, как договорились.

Коттедж, предназначенный в обмен, состоял из четырех комнат и кухни, располагался на окраине Марьино возле соснового бора. Участок двадцать соток, баня, сарай – все, как надо.

Адрес проверили по кадастровому номеру, все было чисто, документы в порядке. Мария Федоровна долго проверяла каждую строчку, искала подвох. Алексей Борисович заметно изнывал, пока она читала текст договора, вытирал пот со лба и, когда хозяйка квартиры закончила, облегченно вздохнул:

– Все?! Ну, наконец-то! Говорю вам – вы не первые и не последние! Чего бояться? Все в порядке!

Наконец, деньги были переданы, документы подписаны, и вся компания удалилась, оставив хозяев квартиры в покое. Оставшуюся сумму договорились перечислить на зарплатную карту Марии Федоровны в течение недели. На столе лежали триста тысяч рублей, которые были пересчитаны, проверены на свет и даже на запах. Мало ли что бывает?! Говорят, и в банкоматах фальшивые подсовывают!

Все было как нельзя лучше.

Мария Федоровна сбегала в магазин, принесла бутылку шампанского, баночку красной икры, колбасы, каких-то вкусностей в прозрачных пластиковых коробочках, и накрыла стол.

– Давай по бокалу шампанского! Гулять так гулять! – Мария Федоровна протянула руку и коснулась своим бокалом бокала сына. – Выпьем за то, чтобы все у нас было хорошо! Чтобы ты снова встал на ноги, чтобы у нас в новом доме всегда был достаток, чтобы... чтобы... в общем, давай-ка выпьем!

Сергар часто пил. Бывало – напивался до беспамятства. Но ему нужно было очень много выпить, чтобы свалиться с ног. А сейчас после первого бокала у него зашумело в голове, комната поплыла, будто он только что выпил два литра крепкого Кермского.

Мария Федоровна была весела, оживлена, смеялась, рассказывала что-то из жизни Олега, не глядя на то, как он реагирует. А он реагировал – никак. Комната вертелась, кружилась, его слегка подташнивало и дважды едва не вырвало. Наконец, заметив, что сын, мягко говоря, слегка не в себе, Мария Федоровна откатила его к кровати, не без труда перевалила на постель – он потяжелел за эти две недели – и через пять минут Сергар уже спал без сновидений.

Мария Федоровна, как обычно, легла в зале, на диване. Сегодня она даже не разобрала постель, легла прямо в одежде. Этот день был хорошим, впереди – только радость! С улыбкой на лице Мария Федоровна уснула, и последней мыслью было: «Надо срочно сделать загранпаспорта, иначе как ехать на лечение?!»

* * *

Она не собиралась вставать рано. Черт с ним, с этим тротуаром, черт с ней, с управляющей компанией – бросить им заявление и уйти. Все равно скоро уезжать, так что... Устала. От всего устала. Наконец-то хоть какой-то просвет!

Не дали поспать. Пронзительный, тревожный звонок – спозаранок, в шесть утра. Встрепонулась, протерла глаза – кто еще может быть в такую рань? Надела шлепанцы и побрела к двери, на ходу поправляя волосы, недоумевая и совсем ничего не соображая спросонок. Все-таки полбутылки шампанского для нее много. Давно не пробовала вина. Честно сказать – боялась пить. Знала, как это легко – утопить проблемы в стакане. Утопить всю свою жизнь. Стоит только начать.

Не глядя в глазок, открыла. Чего бояться? День-деньской, солнце!

На пороге стоял вчерашний спутник Алексея Борисовича Андрей. Рядом – крепкие мужчины в комбинезонах, в надвинутых на глаза вязаных шапочках.

Почему-то подумалось: «Зачем шапочки? Неужели на улице так холодно?!» Потом мысли вылетели из головы, их место заняли страх, ошеломление, даже ужас! Потому что Андрей, отодвинув плечом бывшую хозяйку квартиры, вошел внутрь, будто боясь, что дверь захлопнется, и неприятным, холодным голосом приказал:

– Собирайтесь. Вы переезжаете.

Мария Федоровна не поняла, думала, что ослышалась, несколько секунд не могла ничего сказать, открыв рот, как рыба, выброшенная на берег, откашлялась и хрипло, задыхаясь, переспросила:

– Что вы сказали?! Как переезжать? Мы никуда не переедем, пока вы не отдадите все оставшиеся деньги!

– Вы все получили, и даже лишнего, – холодно пояснил мужчина, глядя туда, откуда показался Сергар, за это время успевший переместиться в коляску. – Согласно договору вы должны выехать в течение суток после подписания и получения денег. Кстати, вам передали лишнего. Вы сами отдадите или нам поискать?

– Что?! – Мария Федоровна побелела, кровь отлила у нее от лица, она вцепилась в косяк, чтобы не упасть. – Вы не имеете права! У меня договор! Через нотариуса! Я ничего не отдам! И никуда не уеду!

– Отдашь, – хмуро и уверенно кивнул мужчина. – Или сядешь в тюрьму. Договор? Где твой договор? Тут?

Он взял со стола в зале пачку листов, подписанных Марией Федоровной и «Олегом», сунул его в руки женщине и отчеркнул коротким, тупым ногтем:

– Читай! Вот сумма – сто тысяч рублей. Так что тебе по ошибке дали лишнего. Вот пункт, по которому ты должна выехать в течение суток и забрать своего сына. Вы оба должны выметаться прямо сейчас, иначе мы выкинем ваши вещи на улицу. Не беспокойся – на улице стоит машина, вас отвезут в ваш дом. Правда, не в Марьино, немного подальше – в Самсоновку, и домик похуже, но все, чтобы жить, там есть. И не надо истерик – иначе будут проблемы. А я терпеть не могу улаживать проблемы. А приходится.

– Милиция! Я сейчас в милицию! – тихо просипела Мария Федоровна, не веря, что все это происходит с ней, ведь этого не может быть! Она все проверила!

– Милицию хочешь? – усмехнулся мужчина. – Это тебе нужно вернуться лет на десять назад. Сейчас не милиция, а полиция. И она тут – вон он стоит, участковый! Эй, капитан, иди сюда!

Мария Федоровна видела этого капитана, участкового. Он не раз приходил в управляющую компанию, видела его и у паспортистки – полный, большой, вечно потеющий, с пятнами пота в подмышках, он всегда носил на лице маску слегка брезгливого, вечно недовольного жизнью, надменного человека, которому этот мир совершенно не нравится. Мария Федоровна с ним дел никогда не имела, и слава богу – чем меньше касаешься криминала или полиции, тем лучше.

– Что случилось? – капитан будто ожидал (точно, ожидал!). – Какие-то претензии?

– Меня хотят незаконно выселить! – уже не веря в результат, пояснила Мария Федоровна. – У меня договор, а они подменили! Они подменили договор!

– Вот наш экземпляр договора, – пожал плечами Андрей. – Вот моя доверенность от хозяина квартиры на ведение дел. Эта гражданка продала квартиру, поменяла на дом в деревне, с доплатой. Теперь вот не хочется выезжать, как положено по договору. Теперь в этой квартире прописан я – вот выписка из паспортного стола!

– У меня штамп стоит в паспорте, смотрите! – Мария Федоровна лихорадочно пролистала свой паспорт, показала участковому. – Смотрите!

– Ну... да, – важно кивнул участковый. – Но в бумаге сказано, что вы вчера выписались из квартиры, и сын ваш выписался. Потому – я не понимаю, почему вы не поставили печать о выписке в паспорте. Впрочем, это не мое дело, претензии к паспортному столу. Договор... ну да – вы получили деньги, должны покинуть помещение. Вот новый хозяин – даже свидетельство о собственности есть – вчерашним числом. Выписка из кадастра, печать нотариуса – все честь по чести! Подпись ваша?

– Моя! Но я не подписывала этот договор! Я подписывала другой договор!

– Вот что, дорогуша – то подписывала, то не подписывала, что за детство?! – участковый возмущенно фыркнул. – Вечные проблемы с этими алкашами!

– Какие алкаши?! – возмутилась Мария Федоровна, – да я вообще не пью!

И тут же осеклась, оглянувшись на стол с бутылкой шампанского.

– Ага. Не пью – за ухо лью! – иронично ухмыльнулся участковый. – Да от вас разит вином! Все, я ухожу и попрошу вас, граждане, держитесь в рамках правового поля, чтобы не было проблем. Вы поняли меня?

– Что тут не понять, – усмехнулся новый хозяин квартиры. – Все будет чисто, тихо и без крови. Правильно, Мария Федоровна?! Ну вот. Собирайте вещи и сваливайте из моей квартиры. Внизу ждет «Газель», вас отвезут в ваш дом. Будете выступать – просто выкинем к подъезду, и будете там сидеть. Не упирайтесь, а делайте то, что положено!

– Мама, что происходит? – Сергар слышал разговор в прихожей и понял – беда! Проблемы!

– Нас обманули, сынок. – Мария Федоровна устало опустилась на табурет и сложила руки на коленях. – Прости. Нас обманули. Я все потеряла. Все. Это жулики. Бандиты.

– Бандиты?! – не веря своим ушам переспросил Сергар, подкатился к столу и взял в руки кухонный нож. – Обманули?!

– Эй, эй – ты не балуй! – мужчина в комбинезоне отшатнулся от Сергара, сделал шаг назад. – Шеф, у него нож!

– Назад, твари! – Сергар сам не заметил, как сказал это на своем языке, опомнился и повторил: – Твари, назад! Убью!

– Ты хочешь по-плохому? – усмехнулся Андрей. – Уродец, ты что о себе возомнил?! Да я тебя сейчас...

Он не договорил – пущенный рукой Сергара нож вонзился в косяк рядом с шеей бандита и замер, дрожа, будто от разочарования, не успев напиться крови.

Сергар схватил второй нож, такой же острый, со следами ржавчины с края лезвия. Он нашел его за столом в кухне, где тот пролежал лет пять, не меньше, и заточил.

– Следующий будет у тебя в горле!

– Сынок, не надо! Сынок! Тебя посадят! – Мария Федоровна бросилась к сыну и, обхватив его руками, закрыла телом. – Не трогайте его! Мы уедем! Не трогайте! Не трогайте нас...

* * *

Они ехали долго. Почти до вечера.

Вначале по городу – Сергар, несмотря на происшедшее, с интересом смотрел вокруг, на то, как живут люди. Он до сих пор ни разу не выходил на улицу.

Потом пошли предместья с маленькими старыми домишками, соседствующими с огромными, двух – и трехэтажными домами, пытающимися выглянуть из-за высоченных заборов с острыми пиками.

Дорога, вначале гладкая, покрытая поблескивающим в лучах солнца неизвестным Сергару составом, через несколько часов закончилась, началась трясучая, гадкая дорога с торчащими из нее крупными камнями и глубокими рытвинами, похожая на все тракты, что пересекали континент в мире Сергара. Там были дороги и получше, но в основном – вот такие, с рытвинами, заполняющимися дождевой водой и жидкой грязью. Ничего нового – деревня есть деревня. В любом из миров.

Они ехали в автомобиле, где, кроме них с Марией Федоровной, было еще двое подручных Андрея. Сам он сидел впереди, рядом с водителем, таким же угрюмым неприятным типом, смотревшим на мать с сыном, как на два куска дерьма.

Коляску засунули в кузов большой машины вместе с остальными вещами, Сергара бесцеремонно, как куклу, бросили на заднее сиденье легковушки, туда же затолкали и Марию Федоровну.

Женщина молчала – бледная как мел. Голова ее безвольно моталась. Она не плакала, ничего не говорила и еле дышала – будто уснула. Сергар тоже молчал – а о чем говорить? Их ограбили, и хорошо, если не убьют. И он знал – шансов никаких. Нет магии, нет ног, нет силы, чтобы положить этих тварей! Если бы он был в прежнем теле, если бы это был он, Сергар, боевой маг, опаленный огнем заклинаний, политый своей и чужой кровью! Не калека Олег, мышцы которого ослабли настолько, что он вряд ли поднял бы и мешок картошки!

Одно радовало – рефлексy, неожиданно, были совсем неплохи. Когда Сергар сегодня метнул нож, он почувствовал единение со сталью, как когда-то, в ином мире.

Зачем он его метнул? На что рассчитывал? Неужели думал, что эти люди испугаются, убегут от инвалида с ножичком?

Нет, не думал. Не рассчитывал. Но не смог сдержаться. Не смог. Ему хотелось броситься на этих людей, доползти и рвать, бить, кусать – пока не убьют!

И скорее бы уж убили... чем так жить. Сергар сразу понял, что Маму обманули. С той минуты, когда эти твари появились утром на пороге квартиры. Когда увидел рожу бандита, смотревшего на него так, будто он, «Олег», был не человеком, а тараканом, недостойным даже того, чтобы испачкать подошву башмака.

Такой взгляд Сергар видел у аристократов, пренебрежительно оглядывающих простолюдинов, а еще у крутых рубак, для которых человеческая жизнь не стоила и медяка – если тому просто хотелось есть или пить. Или взять женщину.

Сергар встречал и тех и других. С первыми он не общался – кто он такой для того, чтобы аристократ принял в свой круг общения? Вторые – с этими все сложнее. Они всегда были рядом. Всю жизнь Сергара. И отличался он от них только тем, что для него жизнь человека не потеряла ценности. Но уже давно Сергар подозревал, что пройдет еще лет десять, и он станет таким же – циничным, жестоким зверем. И ему было наплевать на это.

* * *

Дом был очень старым. Его построили не меньше чем лет двести назад. Темный, огромный, двухэтажный, он прогнул землю тяжестью своих бревен, и вокруг него образовалось что-то вроде пологого канала, в котором скопилась дождевая вода, оставшаяся после ночного ливня. В запущенном палисаднике цвели мальвы. Яблони, не так давно отцветшие, усыпаны сотнями завязей, превращающихся в зеленые пупырышки-яблочки, а возле забора торчал сруб колодца, накрытый почерневшей ветхой двускатной крышей. Чирикали воробьи, где-то куковала оголтелая кукушка. Покой, красота. И полнейшее захолустье – до ближайшего городка пятьдесят верст по проселку – непреодолимое препятствие, если у тебя нет автомобиля, и лучше – повышенной проходимости.

– Умирать привезли, негодяи! – неожиданно с ненавистью сказала Мария Федоровна, глядя на то, как из «Газели» наскоро выбрасывают их вещи, вытаскивают стулья, шкафы, мешки. – Как он на второй этаж будет забираться, гады? Вы же знаете – дом старый, внизу живет только скот!

– А чем вы отличаетесь от скота? – холодно ответил Андрей, закуривая сигарету. – Радуйся, что вообще живы, дура. Не вы первые, не вы последние. Натренирует руки, ползает, небось не сдохнет. Пенсию получает – не окочуритесь. Тут все дешево, еще и разжиреете! Чего смотришь, урод?

Сергар подъехал близко, встал всего в шаге от бандита и внимательно посмотрел в его лицо. Тот безмятежно шурился, выпуская дым ровными колечками, и обратил внимание на «Олега» только тогда, когда тот сплюнул на землю.

– Запоминаю тебя, – так же холодно ответил Сергар, глядя в бесцветные, рыбы глаза мужчины. – Свидимся когда-нибудь!

– Угрожаешь, дурачок? – легко усмехнулся Андрей, щелчком отправляя окурочек в лужу под дом. – Советую больше никогда меня не видеть. Это плохо кончается. Иногда – для всей родни дурака. Лес большой, места всем хватит.

– Сынок, отойди! – забеспокоилась Мария Федоровна. – Пусть проваливаются отсюда! Я этого так не оставляю! Я буду писать в прокуратуру, в суд!

– Да хоть в Гаагский суд по правам педерастов, – ухмыльнулся мужчина и повернулся к грузчикам, выбрасывающим последний мешок. – Все, закончили? По машинам! А вам не хворать, лохи!

Он снова хохотнул, открыл дверь джипа, и через пять минут обе машины уже пылили по корявой, ухабистой дороге, помаргивая красными огоньками фонарей.

– А кто такие лохи, Мама?

– Мы, сынок, – Мария Федоровна опустилась на траву, прямо у порога, и замерла, сгорбившись, как старуха. – Так бандиты называют тех, кто не может дать им отпор, тех, кого они обманули, у кого отняли все, что смогли. Прости, сынок, дура я старая, дура! Обвели вокруг пальца, как... как...

Мария Федоровна заплакала – тихо, горько, беззвучно. Сергар смотрел на нее, и в душе просыпалась холодная ярость.

«Нет, вы не знаете бывшего боевого мага, а ныне грабера Сергара Семига! Не знаете!»

– Мама, не надо! – сказал он твердо. – Выживем! Пенсия есть, крыша над головой есть – и слава богам!

– Богу! – поправила Мария Федоровна, утирая слезы. – Один у нас Бог, Олега, один. И опять нас испытывает! Но мы все выдержим, все! – Она снова заплакала, не удержимо, раскачиваясь из стороны в сторону.

– О! Соседи появились! – Из-за ветхого забора, поросшего вьюнком, появился мужчина лет пятидесяти-шестидесяти, заросший седой щетиной, в засаленной, когда-то белой матерчатой кепке. От него разило перегаром за три шага, а три оставшихся в челюсти зуба щерились в веселой ухмылке, криво желтея в разинутой пасти. Типичный пьяница, коих в любом городе и деревне немалое количество, и выглядят они одинаково, хоть в этом мире, хоть в том. Вечно пьяные, вечно ищущие, где бы похмелиться – Сергар их не любил, хотя и оставлял за ними право творить со своей судьбой все, что они хотят.

– Что от нас хочешь? – мрачно спросил Сергар, в упор глядя на веселого мужичка, продолжавшего улыбаться, будто встретил долгожданных родичей.

– Помочь хочу! Да ты не сердчай, паренек. Думаешь, дядя Петя хочет что-то у вас стибрить? Неее... спросить – могу! Заработать – могу! А стибрить – нет! За крысятничество руки нужно отрубать!

– Крысятничество? – не понял Сергар, потом догадался. – А! Ты не ворует у своих. Ясно.

– Не ворую у своих! – радостно заключил мужичок. – Видал я, кто вас привез! Вампир!

– Кто?! – удивилась Мария Федоровна. – Какой такой вампир?!

– Хе-хе... это не тот, кто кровь пьет! – обрадовался мужичок. – Это – Вампир! Андрей Вампоров. Бандюган! Они по квартирам шустрят. Мы все тут такие, как и вы – и я тоже. Квартирку отжали, сунули на рыло тыщонки, и давай сюда! Тоже бедолаги, да? Они выбирают таких, что ответку не дадут. Знают, волки, кого щемить! Инвалида и бабенку! И когда, с-суки, крови досыта напьются, не знаю!

– Они кровь пьют? – на всякий случай переспросил Сергар и был награжден недоуменным взглядом мужичка.

– Ты че, парень... того? Какую кровь? Хотя... да-а... кровушки они у нас попили, точно!

– Сын долго в коме лежал, память потерял. Сейчас учится всему заново, так что... А я учительница. Бывшая. Мария Федоровна меня звать.

– Машенька? Маша! Для Марии Федоровны ты еще молоденькая бабенка! – хохотнул мужик. – Я, мож, за тобой еще и приударю! Вона ты красotka какая! Эх, где мои семнадцать лет!

– Тьфу на вас, – улыбнулась Мария Федоровна и вдруг невольно, удивившись себе, поправила локон волос. – Вы лучше помогите вещи занести! Видите, что наделали – выкинули все, а вдруг дождь? Или кто-нибудь украдет. Я и в доме-то не была... может, там и полов-то нет.

– Есть! Есть полы! Печка есть! Русская! Натопить – жара! Токо летом-то на печке не готовим, зимой! А летом летняя печка есть, во дворе! А так в доме все ништяк! Ну... ободрано, ни без этого, но ваще-то все в норме! Эти домищи наших дедов пережили и нас переживут! Ничо, Машенька, не одни вы таки. Нас тут, горемык, полная деревня. Домов двадцать. Живем, ничо так живем. Магазина нет – вот плоха. В соседней деревне есть – три кэмэ отседова. Ну ничо, я шеметом щас за соседом, мухой прилетим, затащим твой хабар! Не перживай! Все покажем, научим, как горе мыкать. Обвыкнешь – и ваще медом пакажецца! Тута лес, тута речка, грибы скоро пойдут, ягода в лукошки сама прыгает! А то коровку заведешь, коз, курей, яйки будут, молочко польется! Чем не жизнь! Ну щас, щас я, не перживайте!

Мужичок исчез, слегка озадачив своим напором, а Сергар с интересом спросил:

– А чего он говорил? Я половины или даже больше не понял! Это какой-то другой язык?

Мария Федоровна улыбнулась, тихонько вздохнула, пригладила волосы и коротко пояснила:

– Так говорят в просторечии. У нас многие из тех, кто жил в деревне, да и в городе тоже, побывали в тюрьме. Я сейчас не буду тебе рассказывать, почему они там побывали. Кто-то за дело, кто-то совсем зазря, но факт состоит в том, что они соприкоснулись с преступниками, переняли их профессиональный жаргон, а теперь не могут без него обойтись, заменяя нормальные слова так называемой «феней», бандитским языком. Вот так.

– То есть этот человек бандит? – насторожился Сергар. – Может, его нарочно заслали? Ограбить хотят?

– Да что у нас брать? – горько усмехнулась Мария Федоровна. – Хотя... сто тысяч у нас есть. Хоть это оставили, негодяи! Вместо квартиры в хорошем районе... ох я и дура!

– Не дура ты! – жестко бросил Сергар. – Против настоящего, умного преступника не сможет выстоять ни один неподготовленный человек! Тебя обманули – это их ошибка! Я встану на ноги и вытрясу из них все, что они взяли! И больше того! Поверь мне! Они еще не знают, с кем связались!

– Вояка... – грустно усмехнулась Мария Федоровна, встала, тихо охнув, и побрела к дому. – Пойду погляжу, что там, внутри. У нашей бабушки такой дом был, у моей мамы. Продала я его, когда с тобой беда случилась. Не помнишь? Не помнишь... Старые дома – внизу скот держали, сарай там, клетки для кур. А жили наверху, там и печка. Знаешь, почему так?

– Почему?

– Чтобы в мороз не выходить на улицу. Вся скотина внутри, даже если снегом заметет – не надо срочно откапываться, спустился по лестнице вниз, и ты уже у коровы. Понял?

– Понял. – Сергар озабоченно осмотрел высокую лестницу и легонько вздохнул. – Придется ползать! Но ты не переживай, я сам буду забираться и спускаться. Мне только коляску надо будет затащить, неохота ползать по полу. Хотя... я и сам смогу затащить – мне только веревка нужна. Оставлю внизу, а потом сверху за нее и затащу!

– Умница! – кивнула Мария Федоровна и толкнула толстую скрипучую дверь, подбитую резиной. – Интересно, кто тут раньше жил?

– А бабка Марья жила! – хохотнул дядя Петя, появившись из-за угла в сопровождении четырех таких же, как он, засаленных, потрепанных жизнью, нестройно поздоровавшихся мужиков. – Померла в прошлый год! Потом этот дом Вампир выкупил. Да он воше все дома тут выкупил, всю деревню! Всех, каво кидает, сюда загружает! Вот, парней привел! Ты вот че, хозяйка, ты дай-ка нам на смазку пару сотен – мы первачка у Аньки купим, а сама картохи навари, чо-ничо на стол соорудишь. Вот тебе ведро картохи! Самосад! Растет – один-десять! Ужась как прет! Плитка-то есть? Лектрическая? Нету? Щас сконтролим! Васек, мухой за плиткой! Давай, давай, не переломишься! Ты это, Машенька, не думай – пока не перетащим, не разложим – ни глотка! Ни-ни... Честна говоря, щас если приложимся – нас уже не оттащишь, поляжем, как озимые! Хе-хе-хе...

Закипело, зашумело. Доходяги, которые выглядели чуть краше живых трупов, неожиданно бодро хватали мешки, ящики и несли их наверх, шатаясь, будто тащили невероятную тяжесть.

Мария Федоровна уцепилась за нож, чистила картошку, бросая ее в здоровенную кастрюлю, принесенную тем же дядей Петей. Такой большой у Марии Федоровны не было – прежние прохудились, а им с Олегом зачем ведерные емкости?

«Олега» решительно отстранили от общего процесса.

– И без инвалидов разберемся! Иди – дыши воздухом, птичек слухай, травки пожри какой – вона, кошки траву жрут и здоровее делаются! Оглоблей не перешибешь! Хе-хе-хе!

Что такое оглобля, Сергар не знал, но совет насчет травы, как ни странно, был совершенно верным. Если бы маг мог найти нужные травы, вероятность того, что он встанет на ноги, даже без магии, была очень велика.

Решив последовать настоящему совету новообетенных соседей, Сергар медленно покатил к опушке леса, туда, где виднелось зеркало реки.

Сосны были красивы. Так же красивы, как и в мире Сергара. Там они назывались по-другому, но это ничуть не меняло их сути – пахнущие смолой, хвоей, уходящие в небо. Они были достойны стать мачтами самых лучших кораблей – если бы такие были в этом мире. Увы, в мире Марии Федоровны и дяди Пети моря бороздили громадные стальные суда-города, лишённые изящества и красоты парусных, воздушных, как облака, кораблей. Сергар понимал, что парусники медленнее, меньше, гораздо менее удобны, чем эти стальные громадины, но... сердцу не прикажешь, как говорил один персонаж фильма, увиденного Сергаром по телевизору.

Река тоже была хороша. Небольшая, всего шагов двадцать в ширину, она была глубокой, с темной, но кристально чистой водой. Из подмытого на дуге крутого берега торчали корни деревьев, напоминая щупальца невиданных чудовищ, а с той стороны, где стояла деревня, – длинный пляж белого песка, вылизанный водой и ветром. К пляжу вел пологий спуск, будто специально врезанный в берег огромным бульдозером. Скорее всего, в этом месте много десятков лет ходили на водопой стада коров, однако теперь от этого стада не осталось и следа – пляж был девственно чист. Нынешним обитателям деревеньки и в голову не приходило, что можно пойти поваляться на песочке или же забраться в текучую воду, чтобы смыть застарелые грехи, накопленные за свою трудную, бурную жизнь.

Сергару мучительно захотелось спуститься вниз, сбросить одежду, броситься в прохладную воду и, погрузившись с головой, забыть обо всех проблемах, что как снежный ком обрушились на его голову, придавив невыносимой тяжестью.

Нет. Представил, как он мучительно долго едет по песку, увязая колесами, как ползет, будто зверь с перебитым хребтом, захлебываясь яростью и пеной, и все желание искупаться тут же улетучилось, будто его и не было. Когда-нибудь! Когда-нибудь...

Подумалось – неужто нет ни одного мира, где нет проблем? Где нет войн? Где нет жадности, подлости, неутолимой тяги к власти? Были два государства, две империи – Кайлар и Зелан. Два двоюродных брата. Оба императоры – что им делить? Полоску земли вдоль границы? Два острова, на которых нет ничего, кроме птичьего дерьма и сотен тысяч орущих, гадающих чаек? Почему погибли тысячи, десятки тысяч солдат, и почему теперь народ, говорящий на том же языке, верящий в тех же богов, что победившие, считается народом низшим, второго сорта, сродни рабам? Почему десятки городов лежат в руинах, и на их улицах бродят толпы мерзких тварей, питающихся человеческой кровью, мясом, душами?

Сергар уже слышал теорию, что империи обязательно должны расти, иначе они умрут, и в конце концов должна остаться одна, огромная, которая поглотит все остальные. Но разве это утешение для сотен тысяч, миллионов погибших на бессмысленных, не нужных человеку войнах? Вот он – молодой, здоровый парень, маг, даже лекарь – посвятил свою жизнь убийству людей. Ради чего? Ради кого? Ради амбиций одного не очень умного, не очень хорошего человека, наслаждавшегося роскошной жизнью тогда, когда он, Сергар, кормил вшей, сидя в грязной балке перед позициями зеланской армии?

Последние годы службы эта мысль все чаще и чаще приходила ему в голову, и когда империя Кайлар все-таки проиграла в войне, честно сказать, он даже вздохнул с облегчением – все! Закончилось! Наконец-то! И... он жив!

Сергар развернулся и покатился к дому, откуда в вечернем воздухе слышались громкие радостные голоса добровольных помощников. Его губы тронула легкая улыбка – забавные люди. Все-таки в глухих провинциях люди попроще и посердечнее, чем в крупных городах. Это он замечал не раз и не два.

И все могло быть гораздо, гораздо хуже...

Глава 3

«Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят!» – Сергар осторожно перецепился руками с ветки за канат и по нему опустился в коляску. Грудь жгло, пот стекал в глаза, но бывший боевой маг был доволен. Всего за две недели тренировок он подтягивается уже пятьдесят раз! И это после того, как полгода пролежал в постели! Нет – что ни говори, а отличный результат.

Помогали специальные упражнения, которые Сергар проделывал каждый день. Он входил в транс и, сосредоточившись на процессах, происходящих в организме, пытался ускорить его восстановление. Это очень непросто. Тело было чужим, оно категорически отказывалось подчиняться воле новой сущности, оказавшейся в черепной коробке. Приходилось часами сидеть неподвижно, пытаясь ускорить движение жизненных сил.

Сергар занялся этими упражнениями на второй день после того, как очнулся в доме Марии Федоровны, и только через неделю у него начало кое-что получаться. Теперь процесс пошел гораздо быстрее – больше двигался, постоянно находился на свежем воздухе. Простое, здоровое питание – молоко, творог, мясо. Действительно, в деревне все было дешевле. Имея по городским меркам совсем небольшие деньги, можно было довольно сносно существовать.

Единственное, о чем жалел Сергар, отсутствие телевизора. Уже привык к этой странной штуке, и первое время его просто ломало, как наркоманов, не получивших очередной дозы. Потом привык. Ну, нет телевизора, и нет. И демон с ним. Или как тут говорят – черт.

В деревне ни у кого не было телевизора. Вернее, телевизоры были, но они ничего не показывали – старые, разбитые, неработающие. Спутниковых антенн не было ни у кого, а как объяснили Сергару, без этих круглых штук телевизор показывать не будет. Он не до конца понимал, что такое спутник, что такое антенны, но верил обитателям этого мира. А что еще оставалось? Кроме как верить. Или не верить...

Эта деревня была чем-то вроде порта, в котором пришвартовались старые, никому не нужные корабли. Дырявое днище, обросшее ракушками, обожженные пожарами надстройки, порванные паруса... Последнее пристанище умирающих морских бродяг.

Люди похожи на корабли – уходят они в жизненное море, пахнущие свежей краской, звенящие от переполняющей энергии, гордо рассекают волны могучим форштевнем, а в конце жизни – потрепанные ветрами, побитые о камни, скрытые в прибрежных водах, источенные древоточцами, до конца своих дней пытающиеся держаться на плаву.

Никто из жителей Самсоновки не рассчитывал выбраться из последнего порта в своей жизни. Вернее, на словах-то рассчитывали, но в глубине души понимали – никуда они отсюда не уедут и останутся тут, на краю деревни, в жирном, липнущем к ногам черноземе. Как и все те, чьи покосившиеся, черные от времени кресты деревенского кладбища сиротливо торчали из высоченной травы, буйно вымахавшей на прахе обитателей деревни.

Эти люди не были злыми, подлыми или глупыми – нет, их погубили две вещи – излишняя доверчивость и спиртное. Впрочем, первое проистекало из второго. Налей тому же дяде Пете стакан водки, и ты его друг по гроб жизни. А если будешь наливать регулярно, да еще и закуску подносить – так ты вообще царь, бог и мессия, пришедший в этот мир для того, чтобы осчастливить хороших людей.

Дяде Пете, как оказалось, было всего-навсего пятьдесят лет, но выглядел лет на двадцать старше. Некогда он был уважаемым человеком, по крайней мере с его слов. Работал на заводе, имел машину, квартиру, но... начал пить. Каждый, кто приходил к токарю Пете с просьбой что-то сделать, тащил бутылку водки. А если есть бутылка – куда ее девать? Ну не выливать же?

«Жена говорила: «Бери деньги, бери деньги!» Не брал. Как можно взять со своих? Нехорошо!» – вспоминал слова дяди Пети Сергар.

В общем, закончилось все очень дурно. Машину продал, деньги пропил. С завода выгнали. Жена ушла, забрав детей. Осталась только квартира, и ту разменяли, оставив дяде Пете однокомнатную, правда, в хорошем районе. Вот так и оказался он здесь, в Самсоновке, в развалюхе – гораздо худшей, чем у Марии Федоровны. Той хоть денег дали, а ему просто налили водки, сказали подписать, он и подписал.

Жили обитатели Самсоновки тем, чем живут деревенские жители испокон веков – собирали ягоды, грибы, ловили рыбу – солили, сушили, продавали в райцентре на базаре, куда отправлялись на автобусе из соседней деревни Афонькино. Утренним автобусом туда, вечерним оттуда – пьяные, счастливые, с деньгами и покупками – если день удачный, и просто пьяные – если не очень. Кто-то был уже на пенсии – тогда совсем хорошо, а кто-то ждал своих пенсионных семи тысяч, как подарка от бога, такие как дядя Петя или Коля – мужик неопределенного возраста, грузный, здоровенный. Когда таскали вещи Марии Федоровны, он в одиночку затащил наверх, в дом, тяжеленный платяной шкаф, отодвинув всех остальных добровольных помощников толстопалой ручищей. Бывший чемпион, бывший тренер – спился, как и многие, не пройдя испытания фанфарных труб и тяжести жизненных неурядиц. Не он первый, не он последний, как сказал доморощенный философ дядя Петя.

Вот так прошли первые две недели деревенской жизни Сергара. В общем-то, вполне недурно, довольно сытно и даже весело. Тренировки, разговоры с мужиками – если они не были заняты на сборе ягод и на огороде – и уроки с Марией Федоровной.

Все вечера она посвящала образованию «Олега», благо что знаний у нее хватало, учить любила, а делать было особо и нечего. Дом, хотя и обшарпанный, был вполне приличным – и не только снаружи. Старенькие, но чистые обои, выскобленные полы. Старушка, что здесь жила, старалась содержать дом в порядке, насколько могла. О ней все отзывались очень хорошо – говорили, что умела лечить травами. До ближайшей больницы отсюда добраться было очень проблематично, так что знахарка была на своем месте. Со слов дяди Пети, к ней приходили даже из соседних деревень, и она никому не отказывала. Денег не брала. Еду, молоко, крепкий самогон – он и для настоек, и для оплаты услуг селян – «твердая валюта», как говорил дядя Петя.

Были в Самсоновке и женщины, тоже в возрасте, такие же несчастные, потерявшие все, что имели. Лишь одна не пила – Анька – та, что делала самогон. Этой Аньке было лет шестьдесят – полная неопрятная баба с хитрыми, маслянистыми глазками. Марии Федоровне она очень не понравилась, да и Сергару тоже – войдя к ним в дом, тут же начала шарить взглядом по полкам, по шкафам, шмыгая красным, разбухшим от соплей носом. Видя, что ей не особо рады, быстро смылась и больше не приходила, видимо, почувствовав отношение новых соседей.

Передохнув, Сергар покатился на задний двор, к сараю, сложенному из таких же толстых бревен, как и дом. Когда-то в этом сарае стояли телеги, висела сбруя, была сложена всякая всячина, нужная домовитому хозяину. Дядя Петя, который все про всех знал, сообщил, что в доме этом самом когда-то жил купец, и этот купец закопал самовар с золотом. Где закопал – никто не знает, а еще – этот клад заговоренный, и кто его выкопает – умрет в муках, загнивая заживо. На этом кладе были убиты три работника купца и похоронены над ним – чтобы охраняли. И когда кладоискатель подымет самовар – привидения увяжут за ним и будут есть его изнутри.

На вопрос: «Откуда известно, что убиты трое работников и закопаны над кладом, если никто не знает, где тот находится? Кто видел, как его закапывали?» – дядя Петя важно ответил, что это дело всем известно в округе и на глупые вопросы он не отвечает.

Сергар потянулся к рукавам, достал из ножен, притянутых к предплечьям, два ножа, заточенных до бритвенной остроты, и метнул их в стены сарая, в мишень, нарисованную кусочком мела, оставшимся среди вещей Марии Федоровны. Фигура человека очень напоминала

Вампира – скуластое жесткое лицо, тяжелый лоб, широкая грудь. Сергар неплохо рисовал – наследственное, от матери.

Один нож вонзился туда, где у нарисованного Вампира находилось сердце, второй – прямо в правый глаз. Чтобы наверняка. Чтобы наповал.

Получалось уже хорошо – девять бросков из десяти попадали туда, куда нужно, не отклоняясь ни на сантиметр, и это при том, что ножи не были предназначены для метания – простые кухонные ножики, несбалансированные, с тяжелыми деревянными ручками. Сергар, конечно, их подработал, подточил, как следует, но все равно клинки были далеки от совершенства.

Дядя Петя, который всегда с интересом наблюдал за тем, как тренируется «Олег», рассказал, что в соседней деревне есть кузнец, он же токарь, Василий Михалыч, и этот самый кузнец легко сделает Олегу любой нож, какой захочется. Только вот самогоном не берет, а требует деньги, и ножи будут стоить дороже, чем в районном универмаге.

Сергар хотел заказать себе настоящие боевые клинки, но потом передумал – зачем? Тренироваться он может и этими, а денег у них в семье не так и много – нужно будет еще на зиму сделать кое-какие запасы, так что сто тысяч стоит поберечь – да и светиться ни к чему! Спросят – зачем инвалиду из захолустной деревни боевые метательные ножи? С какой целью? Пойдут слухи, может дойти и до Вампира, а как тот поступит, узнав о приготовлениях одной из его несчастных жертв?

Честно сказать, Сергар вообще не понимал, зачем Вампир оставил их в живых. По всей логике он должен был закопать обоих где-нибудь в лесу и забыть о них, как о раздавленных тараканах. Однако и деньги оставил, и дом все-таки дал. Какая-никакая, но крыша над головой!

Объяснений могло быть несколько, но основная версия – а зачем Вампиру их убивать? Беспомощных, бесполезных? Что они могут сделать? Учительница? Инвалид? Человек со сломанной спиной не представляет опасности для организации, существующей уже десять лет и выдавшей все на свете – от бунта «клиентов» до мести ближайших родственников, пытавшихся наказать бессовестных дельцов. Зачем Вампиру вешать на себя лишние трупы? Вот когда Сергар начнет представлять собой хоть какую-нибудь опасность, тогда – да, а так... выкинули из квартиры и забыли.

Сделав сотни две бросков, накатавшись к сараю и обратно, Сергар отправился в дом, откуда доносился вкусный запах мясного супа. После тренировок, после прогулок на свежем воздухе организм требовал все больше и больше пищи, и Сергар уже боялся растолстеть. Тем более что Мария Федоровна готовила очень умело, обладая настоящим кулинарным талантом. Она могла из ничего соорудить что-нибудь вкусное, и дядя Петя, частенько заходящий к ним в гости, закатывал глаза, хлебая борщ из шербатой эмалированной миски.

«В натуре, как в ресторане! Ну ты, Машенька, даешь! Таких хозяек поискать! Днем с огнем не найдешь!» – нахваливал он.

Мария Федоровна уже слегка успокоилась после того, что с ними произошло, но Сергар с болью и негодованием заметил, что в ее темных, ранее не тронутых сединой волосах появились белые пряди. Она постарела, как-то съежилась и часто сидела безмолвно, глядя куда-то в пространство, за окно, туда, где темнел сосновый бор. О чем думала – неизвестно.

Сергар как-то спросил ее, но она лишь улыбнулась и сказала, что это все неважно. Ни о чем. О жизни, о судьбе, о людях. И о том, что хороших людей все-таки больше, чем плохих. И он, Олег, должен это запомнить.

«Олег» помнил. А еще он помнил одну истину: хочешь, чтобы твой огород не зарос сорняками – прополи его, и как можно быстрее. Но Маме он об этом не сказал. Зачем беспокоить? Разволнуется, распереживается, а то еще плакать начнет – упаси боги! Сергар не переносил женских слез – лучше уж толпа разъяренных мертвяков, чем одна рыдающая женщина! По какому поводу бы она ни рыдала...

У ворот Сергар заметил машину. Он не особо разбирался в автомобилях, вернее, совсем не разбирался, но было видно, что этот не особо дорогой – не такой, как у Вампира. Тот был блестящим, пахнущим кожей и чем-то неуловимым, присущим дорогим вещам. Этот – кое-где помятый, кое-где ржавый, с одним «глазом» – другого «ока» автомобиль лишился по милости своего владельца, устроившего из него передвижной сортир на колесах. Даже за два шага от машины несло пролитым спиртным и застарелым табачным дымом, въевшимся в самоходную повозку до самых ее печенок – если таковые в ней имелись.

Прислушавшись, Сергар услышал в доме резкие, раздраженные незнакомые голоса. Иногда прорывался голос дяди Пети, что-то бубнящего, будто оправдывающегося, и голос Марии Федоровны – звонкий, напряженный, как тогда, когда она разговаривала с риелторами-мошенниками.

Снова кольнуло сердце – недолго же продержалась тишина! Что, Вампир кого-то прислал? Зачем? Отобрать оставленные деньги? Вот только полчаса назад думал о том, что бандит мог это сделать, но почему-то так и не сделал, и вот тебе! Получи! Правильно говорят – нужно поменьше думать о плохом, и тогда, возможно, оно и не случится.

В доме что-то загремело, будто кто-то сбросил со стола всю посуду, снова послышался взволнованный голос Марии Федоровны, оборвавшийся так, будто кто-то закрыл ей рот.

Сергар покатился к лестнице, сполз на нижнюю ступеньку, сложил коляску, привязал ее к канату, укрепленному наверху, и быстро пополз на второй этаж, стараясь не очень стучать своими бесполезными ногами-корягами. До веранды он взлетел буквально за секунды, подгоняемый мощным потоком адреналина, омывшего его мышцы, коляску втащил наверх, как перышко, еще минута, и он снова сидел в кресле, управляясь с ним так, будто родился в нем.

Дверь в прихожую была приоткрыта, с веранды Сергар хорошо слышал, что там происходило. Через минуту ему было совершенно ясно – на них напали, и не Вампировы бандиты, а какие-то совсем чужие, которых он и не знал. Послушав, не стал мешкать и, ловко перевалившись через порог, въехал внутрь, стараясь держаться на расстоянии нескольких шагов от незваных гостей.

Их было двое. Молодые, крепкие, ничем не примечательные, кроме синих татуировок на костяшках пальцев. Дядя Петя рассказывал о таких татуировках, о том, что их носят люди, прошедшие через тюрьмы, и они очень гордятся этими «знаками отличия». Сергар так и не понял, чем тут гордиться – тем, что ты не умеешь ничего, кроме как воровать? Или тем, что был таким идиотом, что даже воровать не сумел так, чтобы не поймали? Но говорить дяде Пете этого не стал. Зачем? У местных свои понятия о чести, у Сергара – свои. На его взгляд, тот факт, что ты скитался по тюрьмам, нужно не выпячивать, а скрывать. Но тут была другая жизнь, и Сергар не хотел входить в нее со своим уставом. Гордятся – ну и демон с ними, пусть гордятся! Плевать.

– О! Сынок пожаловал! – издевательски распахнул руки один из «гостей», светловолосый парень лет тридцати с неприятным, кривым прищуром серых глаз. – Теперь разговор веселее пойдет!

– О чем разговор? – мрачно осведомился Сергар, наблюдая за тем, как Мария Федоровна поправляет взлохматившиеся волосы и трогает покрасневшее с левой стороны лицо. «Ударили?!»

– Они денег хотят! – вмешался дядя Петя, сидящий на полу возле стены и размазывающий по подбородку свежую кровь, натекающую из разбитого носа. – Говорят, что Вампир вам денег дал, и, мол, они тут хозяева, и все им должны платить за вход! Пацаны, вы же беспредельничаете, в самом деле! С какой стати мы должны вам платить?! Вы же, не видите – старики, старухи да инвалиды?! Да откуда мы бабло возьмем?! В натуре, от кого вы работаете? Кто старшой? Я бы с ним побазарил, объяснил! Грех же стариков со старухами обижать!

– Я старшой! – Крепкий, почти квадратный парень лет двадцати пяти – тридцати подошел к дяде Пете и коротко, без размаха пнул его в бок. Сергар явственно услышал, как хрустнуло сломанное ребро. – Что хочешь сказать, старый пень?! Ничего? А чего замолчал? Нечего сказать пацанам? Так заткни хайло и не воняй! Старый п... Глотку тут разе-ваает! Я шас тебе в глотку... засуну, чтобы не вякал!

– У нас и получше есть, чем старый п... – ухмыльнулся второй, высокий, худой парень лет двадцати. – Баба-то ничо так... еще не старая. Попользуемся – и ей хорошо, и нам в тему! Давай?

– Попозже. – «Старшой» криво усмехнулся и окинул Марию Федоровну взглядом. – Да, жопастая телка! Впердолить ей – дело святое!

– Вы ответите! – тонким, срывающимся голосом закричала Мария Федоровна. – Вас посадят!

– Дура ты! – «Старшой» лениво, наотмашь, хлестнул женщину по лицу. – Деньги давай, сука! Вампир точно тебе денег дал! Потратить вы не успели – некуда, в этой заднице, которую по ошибке кличут Самсоновка! Давай, говорю!

Он снова поднял руку, чтобы ударить, но не успел. В глазнице бандита вдруг выросла рукоять ножа, уйдя едва не до половины в мягкую субстанцию.

Второй бандит раскрыл рот – то ли чтобы крикнуть, то ли выругаться, но захлебнулся кровью, прижав руки к горлу, в которое воткнулся второй нож. Сразу не упал. Сделал несколько шагов, страшно хрипя, булькая, и свалился уже на веранде, суча ногами, дергаясь, будто хотел удержать уходящую жизнь. Скоро он затих.

– Силен, парень! – нарушил тишину дядя Петя, морщась от боли. – Этот п... мне ребро сломал. И в натуре – не одно. Шас вот че – я за Колей. Мы сами их не осилим вытащить.

– Какое вытащить?! Милицию надо звать! Милицию! – срывающимся голосом сказала Мария Федоровна. – Это была самооборона! Я видела по телевизору, рассказывали – можно обороняться, если напали! А они напали! Деньги вымогали! Угрожали! И нельзя ничего трогать! Следственная группа должна все осмотреть!

Дядя Петя встал, застонав от боли, снова скривился, прижав руку к боку, сел на табурет и внимательно, исподлобья, посмотрел на Марию Федоровну.

– Машенька, это глухомань. Кто будет следаком, как дело повернет – одному богу известно. Могут сказать – зачем убивал? Они же вашей жизни не угрожали? Ты знашь, скоко людей сидят на зоне за превышение самообороны? Не знашь? Много. Парень учился бросать ножики, заранее их готовил. Зачем? Хотел каво-то убить? Вот и убил. Ну и? Пойдет на зону, как миленький. Ну да – срок скостят, он же инвалид. Опять же – эти отморозки деньги шакалили. И все равно – скажут, что он не должен был подрезать козлов. Что покарать преступников – дело ментов, что ето самосуд, и... в общем – лет пять точно дадут. Может, семь. Тебе это надо? Ему это надо?

– Что предлагаешь, Петь? – устало спросила Мария Федоровна, потеряв лоб. Голова как-то сразу заболела – то ли от того, что ударили, то ли от крови, бросившейся в мозг из-за перевозбуждения.

– Шас я позову Коляна, он вытащит козлов, усадит их в тачку. Я знаю одно местечко – омут там, а проехать можно, хоть и с трудом. Глубина – ужась какая! Канет машинка, век никто не найдет. А если и найдет – поздно будет. Рыбки с раками их так объедают – фиг поймешь, отчего сдохли! И концы в воду. А ты тут помой все как следует, кровянку выскобли. Вот так.

– А мне что делать? – спокойно спросил Сергар, слегка удивленный таким здравомыслием дяди Пети. И поразился в очередной раз – почему в этом мире человек не может защитить себя, свой дом, уничтожив грабителей? Ну что за глупая статья «Превышение самообороны»?!

Почему любой негодяй может забраться в дом, а ты, если не дай боги, его убьешь, сядешь в тюрьму?! Это мой дом! Моя жизнь! Я могу ее защищать так, как считаю нужным!

– Ничего, – усмехнулся серый от боли дядя Петя. – Все, что ты мог сделать – сделал, в натуре. И ништяк сделал! Я тебя и раньше уважал, пацан, за стойкость твою и незлобивость, а теперь говорю – ты просто молодец! Не ожидал! Думал – балуется с ножичками, так просто, кин посмотрелся про ниндзев, а ты вона чего! Молоток! Убить человека непросто! Другой бы щас валялся в истериках, а ты – орел!

«Знал бы ты, скольких я уже убил и в каких драчках бывал! Небось челюсть бы отвисла», – внутренне грустно усмехнулся Сергар и тут же посерьезнел.

– Дядя Петя, проблем после не будет? Тебе виднее, ты тут давно живешь. Полиция или дружки этих бандитов?

Дядя Петя задумался, помолчал минуты три, потом выдал:

– Я вот как соображаю: угол глухой, куда ушли, где пропали – кто будет искать? Дружки придут – мы подготовимся, небось не уйдут, как и эти, тут останутся. Ножички я тебе новые сделаю. А то и эти отмоём, будут как новые! Почему бы и нет? Да и мы не пальцем деланы. Колян им башки поотшибает! Жалко, его не было, уж больно он не любит гопоту! Участковый приедет либо еще кто – скажем, што никак не видели. Покрутицца да свалит. Ему тоже неохота дело затевать, ему начальство жопу взгреет – почему допустил преступленье? Почему профилактическую работу не вел? Да он даже не поедет – че он, дурак, че ли?

* * *

Дядя Петя ошибся. Участковый появился в Самсоновке через неделю – молодой, грузный, здоровенный парень в шапочке с козырьком и с папкой в подмышке. Он приехал на зеленой угловатой автомашине – дядя Петя называл машину «уазиком», – проехался по деревне, на минуту остановился возле дома Аньки, внимательно глядя на то, как над крышей поднимается столб дыма из трубы. Анька, как всегда, варила самогон, и только глупый человек мог не знать, что дым трубы над домом в летнее время – верный признак того, что тут живет самогонщик.

Заходить к ней не стал, проехал дальше, присматриваясь к дороге, на которой не успел зарости след, оставленный автомашиной убитых бандитов, проехал напрямик к дому, где жила Мария Федоровна с сыном, заглушил двигатель и вышел, громко хлопнув стальной дверью. Потянулся, зевнул и зашагал к крыльцу, на котором стояла Мария Федоровна с тряпкой в руках. Она как раз отмывала ступени, затоптанные после дождя. Земля жирная, черная, так что повозиться пришлось немало.

– Здравствуйте! – громко, четко поздоровался участковый, глядя на женщину пристальным, испытующим глазом, будто надеялся на ее лице прочесть ответы на свои вопросы. – Вы хозяйка дома?

– Я и мой сын, – настороженно ответила Мария Федоровна, оглядываясь туда, где «Олег», за углом дома, ползал по своему канату, ловко, как мартышка, перебирая руками. – А что вы хотели? Что-то случилось?

– Пропали двое парней. Говорят, поехали сюда, в Самсоновку, вроде как хотели посетить бабку-гравницу. А все знают, она тут жила. В этом доме. Так вот, вы никого не видели? Их тут не было?

– Никого не было... – Мария Федоровна стрельнула глазами за угол, туда, где был сын, и снова помотала головой. – Никого!

– А следы? – Полицейский в упор посмотрел на женщину. – Так никого и не видели? Вот что, уважаемая... я думаю, нам стоит побеседовать обстоятельнее. Давайте пройдем к вам в дом и поговорим. Или мне вас пригласить к себе?

– Не надо... – Мария Федоровна положила тряпку в ведро с грязной водой, и та медленно погрузилась. Женщина проследила за утонувшей тряпкой и грустно усмехнулась – вот так и она, все тонет и тонет в грязной воде проклятой жизни. Впервые ей захотелось умереть, и она не попросила прощения у Бога за эту грешную мысль. Ну когда же все кончится?! За что это ей?!

Они уселись за стол в кухне, друг напротив друга. Полицейский молчал, молчала и Мария Федоровна. Потом она не выдержала и предложила:

– Может, вам чаю налить? Жарко. Небось в горле пересохло?

– Давайте. Не откажусь.

Полицейский кивнул, Мария Федоровна вскочила, засуетилась у плиты – недавно ей купили газовую плитку и небольшой баллон – Коля привез из райцентра. После того, как она две недели готовила на электрической плитке и на печи под навесом во дворе, газовая плита казалась верхом роскоши.

Человек быстро привыкает к хорошему – к газовой плите, центральному отоплению, горячей воде из крана, а когда чего-то из этого, такого привычного, лишается – мечтает вернуть себе прежнюю жизнь. Так и Мария Федоровна все никак не могла привыкнуть к деревенской жизни, лишенной мало-мальских радостей, легко доступных горожанам.

Наконец вазочка с сахаром, вазочка с вареньем, печенье и чайные чашки со смешными слониками на боках оказались на кухонном столе, накрытом новой клеенкой – тоже Коля привез. Участковый смотрел на суетящуюся женщину молча, больше наблюдая не за ней, а рассматривая обстановку прихожей, она же кухня. От его глаз не ускользнули ни свежевыскобленный пол, ни только недавно наклеенные обои.

Уже когда Мария Федоровна усаживалась на табурет, налив кипятка участковому и себе, вкатился хмурый, настороженный «Олег», с ходу развернувшись так, чтобы удобнее было метнуть нож. Ничего хорошего от полиции он не ждал, помня то, как участковый в городе работал в связке с бандитами. Увы, во всех мирах городская стража продажна – в большей или меньшей степени.

Появлению Олега полицейский не удивился. Не поздоровался, ничего не сказал, только сделал рукой приглашающий жест, а когда Сергар отрицательно помотал головой, равнодушно пожал плечами, мол, как хочешь.

Опять помолчали, похоже было, что участковый совсем не из болтунов. Он вроде и не замечал возникшего в комнате напряжения, отхлебывал чай – отдуваясь, потя, утирая лоб платочком, который достал из внутреннего кармана кителя. Платочек, как ни странно, оставался чистым. Полицейский умудрился не запачкаться и в этой пыльной жаре, что было совсем не просто, особенно катаясь по проселочным дорогам.

Выпив содержимое чашки, он перевернул ее вверх дном, поставил на блюдечко, сложил пальцы в замок и положил руки на стол.

– Куда трупы дели?

Мария Федоровна захлебнулась чаем, долго откашливалась, а когда откашлялась, сипло спросила:

– Какие трупы?! Вы что? Как вы смеете? Не знаю, как там вас звать, но...

– Игорь меня звать. Игорь Антонович Воскобойников. Участковый инспектор, старший лейтенант полиции. Я здешний, вырос в Жарковке, каждую ямку в округе знаю, каждый лесок. Охочусь с детства. Следы разбираю. Когда-то мечтал стать промысловиком, на Север уехать. Но вот так сложилось – стал милиционером. Полицейским, как сейчас говорят. Если считаете меня дураком – заблуждаетесь. И я вам докажу это – на раз-два. Эй, парень, подъезжай поближе, а то мне все время кажется, что ты хочешь выстрелить в спину из обрезка. Нет у тебя обрезка? Ну и замечательно...

Сергар подъехал к столу и оценивающе посмотрел на мужчину, одетого в форму. Тот был грузен, на вид рыхловат, но опытный глаз бойца сразу видел мощные покатые плечи, широкую

грудную клетку и руки, способные переломить древко копья одним щелчком. Человек был силен, как медведь, и так же обманчиво вял и спокоен, когда не знаешь – то ли зверь лизнет тебе руку, то ли вырвет ее из плеча, чтобы пообедать доверившимся ему идиотом. С этим человеком ухо нужно было держать остро!

– Вот и замечательно, – улыбнулся участковый неожиданно мягкой, широкой улыбкой. – И вообще, расслабьтесь. Я не арестовывать вас приехал. Я приехал установить истину, какой бы она ни была. Я сейчас буду рассказывать, а вы меня не перебивайте, слушайте.

Он снова помолчал, потом вдруг перевернул чашку, поставил на доньшко и кивнул Марии Федоровне:

– Да, жарковато сегодня! Не люблю жару. Мне бы лучше морозец, чтобы снег хрустел, чтобы иней на шапке! Ты любишь зиму, Олег?

– Хм... – не нашелся что сказать Сергар и сдавленно выдавил: – Не очень. Лучше пусть будет тепло.

– На вкус и цвет товарищей нет! – усмехнулся участковый. – Ну что же, продолжим. Ко мне два дня назад обратилась Кирьянова Нина Аркадьевна, она же Нинуха. Пропал ее сынок, Мишаня, он же Кирьянов Михаил Сидорович, Кирюха. С ним был друган, Харитонов Андрей Михайлович, погоняло Толстый. Они поехали в Самсоновку, к травнице. Это Нинуха так сказала – к травнице. И пропали. Пропала и машина – отец Кирюхи на ней когда-то ездил. Так вот, она требовала их найти. Заявление принесла. Надо сказать, что Кирюха и Толстый уже намозолили мне глаза, мутили тут воду, бухали, драку устроили, и то, что они пропали, – мне плевать, но, возможно, что-то задумали? Какое-то преступление? Далеко уехать на машине они не могли, в город поехать точно не могли. Машина оформлена на отца, страховки нет, да и прав у Кирюхи нет. Это до первого поста ДПС. Потом закроют. Они и так вышли по УДО, чуть что – снова на зону. Ну вот я и заинтересовался – что тут у меня на земле творится? И первым делом пошел к нашей колдунье...

– К кому?! – не выдержал Сергар. – Колдунье?!

– Ну да, – пожал плечами участковый и посмотрел на «Олега». – Колдунье. Есть у нас лекарка, баба Надя. Лечит травами, лечит руками – почище докторов. Кто не хочет в район ехать в больницу или просто не шибко болеет – все к ней. А кто-то и вообще к докторам не хочет ехать. Баба Надя все решает – руки-ноги вправляет, опухоли убирает, кости правит. Но речь не о ней. Я ведь как мыслил – если эти подонки что-то сотворили, кого-то обидели – этот кто-то пойдет к бабе Наде. Она почти никому не отказывает, всех лечит. Отказывать мне в информации лекарка не будет – себе дороже. Я все-таки власть и могу осложнить ее жизнь. Хотя и не хочу этого делать. Итак, баба Надя сообщила, что к ней обратился Петя из Самсоновки, и у него были сломаны три ребра. Она сделала ему перевязку, утонула, дала отвар, ну и... все. Я поспрашивал кое у кого в деревне, слухи тут быстро разносятся, узнал, что в Самсоновку, в дом покойной бабы Маши, вселились новые люди. Что их привез Вампир – известный гаденыш, но не совсем уж отморозок, кое-какие деньги переселенцам он оставляет. Ну и вот, я сложил два и два, приехал сюда, и мне все стало ясно.

Участковый замолчал, облегченно вздохнул и стал с видимым наслаждением потягивать чай из чашки. В кухне повисла звенящая тишина, какая бывает только в глухих деревнях, когда в ушах звенит от недостатка бьющей в уши горожан звуковой информации. Горожане этого не замечают, и только тогда, когда оказываются в безлюдных местах, понимают, что живут в непрерывной какофонии – машины, соседи, самолеты, гул воды в трубах и гудение проводов. Здесь же – ничего, и только кровь шумит в ушах, да мозг выдает фантомные звуки – далекий, далекий звон – дззз... дззз... дззз...

– Что тебе стало ясно? – не выдержал, резко спросил Сергар, чувствуя твердую рукоять ножа на предплечье. – И что собираешься делать?

Участковый внимательно посмотрел на «Олега», поднял брови, как бы показывая, что он все понимает и предлагает сбавить тон, недоуменно скривил губы, снова уперся взглядом в чашку и поболтал содержимым, оставшимся на дне, будто гадание на чайных «нифелях» было основным занятием в его жизни.

– Что ясно? Да все ясно. Наехали на вас, Петя пытался вас защитить, ему набуздали, сломали ребра. Потом кто-то из ваших соседей помог, и отморозки лежат сейчас где-нибудь в глухом омуте, кормят раков и рыб. И поделом – таких тварей надо топить еще во младенчестве. Ну что хорошего может родиться у Нинухи, которая с юности была шлюхой, все окрестные деревни перезаражала триппером, а потом сошлась с бывшим уголовником, с которым вместе бухали и воспитывали сына, непонятно от кого зачатого. И второй такой же отморозок, друган Кирюхин, не царских кровей. Когда они откинулись с зоны, я за голову схватился – жди беды! Твари сели за грабеж, воровство, вымогательство, и какой болван отпустил их по УДО – только богу известно! Одного не знаю – кто их завалил? Если только Коля? Парни-то крепкие, не так просто их прикончить. Ну что затихли? Полы выскребали, обои сменили! Только того не знаете – кровь никуда не девается. Есть специальный анализ, который выявляет кровь, даже если ее не видно. Так кто их завалил?

– А если я? – решился Сергар. – Поверишь?

– Ты? – усмехнулся участковый. – Ну зачем врешь-то? Соседа выгораживаешь? Ты Кирюхе на один удар, уж извини. Он боксом занимался, парень крепкий. Что, Коля завалил? Он мужик серьезный, не смотри, что спился. Чемпион города! Был... В тяжелом весе. Итак, кто завалил двух отморозков? Заметь, я не спрашиваю, где они, черт с ними, но я должен знать, кто на моей земле может убивать!

Сергар осторожно достал из рукава нож и без замаха метнул его в участкового. Нож вонзился в табурет возле ляжки полицейского, а Сергар замер, ожидая реакции стража порядка.

– Вот оно как! – покосился тот на рукоять ножа. Опустил руку, выдернул нож из табурета – не сразу, тот глубоко засел – и снова повторил: – Вот оно как... никогда бы не подумал. Где учился метать? Спецназ? Ранение? Поучаствовал?

– Олежа полгода лежал в коме! – заторопилась Мария Федоровна. – Он вообще-то домашний мальчик! И я...

– Ага, домашний! – насмешливо перебил участковый. – Вижу, какой домашний. Но неважно. Не спрашиваю, куда вы дели тела, не спрашиваю, кто вам помог их отнести к машине. Это неважно. Главное – я теперь все знаю.

– И что будешь делать? – снова напряженно спросил Сергар.

– Только не надо меня убивать! – усмешливо хмыкнул мужчина. – Во-первых, знают, куда я поехал. Во-вторых, гибель участкового – это вам не двух уроков пропащих зарезать. Шум будет такой, что...

– Да я и не собирался тебя убивать! – слегка смутился Сергар, который как раз и обдумывал, как бы половчее, если что, подрезать оставшимся ножом слишком умного здоровяка. И не успеет ли тот, прежде чем истечет кровью, свернуть Сергару шею. И пришел к выводу, что бить нужно только в глаз, чтобы клинок вошел в мозг, иначе шансов никаких.

– Ну... спасибо тогда! – снова усмехнулся участковый. – А то я уже было подумал, что пора падать на пол и отползать!

– Э-э-э-э... зачем – отползать? – не понял Сергар и тут же догадался. – А! Ясно. Из-под обстрела, да?

– Догадливый. Нет, парень, ты точно где-то повоевал. Я по твоему взгляду вижу. Я своих издали узнаю. Сам две горячие точки прошел.

– Точки? Какие точки? – недоуменно переспросил Сергар, и Мария Федоровна тут же пояснила:

– Он память потерял. Лежал полгода, потом очнулся – и ничего не помнит. Даже меня не помнил! Так что вы не удивляйтесь. Я его и языку учила, и грамоте – все заново, как ребенка. Но он вообще-то быстро учится, вспоминает!

– Вижу, – медленно протянул участковый. – Вспоминает. Интересные вы люди, да. Впрочем, неинтересных людей нет. Все люди по-своему интересны. Но есть и такие, которых хочется читать, как хорошую книгу. Каждая страница – открытие! Каждый листок – на пять обычных жизней. Интересно.

– Вы философ, – неожиданно усмехнулась Мария Федоровна, видя, что никто не собирается крутить им руки и засовывать в «канарейку». – Деревенский философ. Анискин! Вот вы кто.

– Кстати, да, люблю я этого персонажа, – легко согласился участковый. – Конечно, наврали там много, в деревне все проще и одновременно сложнее, да и деревни тогда были дружными, но в общем-то все осталось, как и прежде. Люди те же и почти не меняются. С пещерных времен. Всегда были подлецы, и всегда были те, кто за тебя душу положит. И на том мир стоит!

– Вы тоже интересный человек, – уважительно сказала Мария Федоровна. – И хороший. Другой бы...

– Другой бы к вам просто не поехал, прогнал Нинуху, налил бы стакан водки, жажнул его – и спать! Как прежний участковый, до меня. А я так не могу. Я люблю деревню, хочу здесь жить. Это моя земля! И я хочу, чтобы на ней был порядок. Если бы не вы – я бы этих отморожков... нет, не убил бы... Я же закон. Закрыв бы их. За что-нибудь. Очистил бы землю. Но я вам этого не говорил. Все-таки вы преступники, что ни говори. Суду плевать на то, что они на вас напали, хотели ограбить – для суда главное, что вы живы, а они нет! Я бы лично вообще позволил народу иметь оружие. Пистолеты, например. Тогда бы и нам было меньше работы. Понимаете... бандиты имеют оружие, а вы нет. Если бы вы могли дать отпор, и если бы суд был всегда на стороне тех, на кого напали... хм... тогда это была бы не наша жизнь. Ну да ладно. Попил, поговорил с хорошими людьми – пора и честь знать. Надеюсь, болтать вы не будете. Это и в ваших интересах. Если упомянете, что я знал о том, что вы сделали, откажусь, а вам устрою такую жизнь, что мало не покажется! Поняли меня? Вижу, что поняли. Пошел я.

Участковый встал, грузно шагнул к двери, и тогда Сергар вдруг решился:

– погоди! Можешь мне помочь?

– В чем? – не удивился мужчина. – Чем смогу...

– К бабке Наде свозишь? Мы заплатим!

Сергар с надеждой и замиранием сердца посмотрел в широкое толстогубое лицо участкового, будто опасаясь найти там оттенок презрения или насмешки, но тот ничем не выдал себя, если и был недоволен просьбой парня.

– Надеешься, что она покудесничает над твоей спиной? Компрессионный перелом позвоночника, да, парень? М-да... видал я такое. Не лечится, как ни крути... увы. Но чего не бывает? Христос вон тоже сказал хромоту: «Брось костыли и иди!» Он взял да пошел. Может, и ты так пойдешь, ежели Бог даст.

– Вы верующий? – с надеждой спросила Мария Федоровна, перекрестившись на образа, стоявшие за легкой занавеской. – Эта бабка Надя не ведьма? Она не черная? Я бы не хотела, чтобы Олежа к черной ведьме пошел! Боюсь я их, нехорошие они, против Бога!

– Знаете, Мария Федоровна... я воевал. И под обстрелами был не раз и не два. Когда мимо тебя свистят пули и осколки, ты быстро приобщаешься к вере. Только и шепчешь: «Господи, пронеси! Господи, помоги!» Одни, когда опасность проходит, забывают о Боге, другие... Да, верующий. А что касается бабки Нади – не бойтесь. У нее образа в доме, она молится, и вообще бабулька хорошая. Сейчас уже почти не практикует – ей за восемьдесят, ветхая совсем, но вообще-то к ней ездили и из других областей. Вся родня у нее в городе, а бабка отказалась переезжать. Травы по лесу собирает, снадобья варит. Ну и лечит деревенских, когда не болеет.

Частенько болеть стала. Я ей говорю: «Бабка Надя, вот так как-нибудь прихватит тебя в лесу, и что будешь делать?» Она мне: «Ну и чего? Помру, да и все – пусть муравьи едят да мыши. Из праха вышли – в прах уйдем. Какая разница моему телу, кто его съест? Душа вечна, и она не умрет!» Вот такая бабулька.

Участковый помолчал, будто собираясь с силами к следующей долгой тираде, и минуты через две выдал, глядя на напряженное, побледневшее лицо Сергара:

– Отвезу, чего там. Только обратно не знаю, когда смогу подкинуть. Я вечером, в ночь, в область поеду, вызывают на совещание районных участковых, мать их за ногу, делать им нечего! Так вот обратно – дня через три. Придется тебе самому добираться или меня ждать. В принципе можно у бабки Нади переночевать, она не будет против, места у нее хватает. Только с собой что-нибудь возьми – ну, жратвы какой-нибудь, все-таки бабулька не шибко богата, а от своих ничего не берет, сама им подсовывает – знаю.

– Мама, я поеду! – загорелся Сергар. – Собери мне с собой в дорогу, ладно?

– Ладно, – легко согласилась Мария Федоровна, не веря в чудо, но все-таки загораясь огнем надежды. Кто знает, может, тут, в глуши, и вправду есть чудо-лекари, о которых не знают в большом мире? Показывают же по телевизору экстрасенсов. Так они такие чудеса творят – ум за разум заходит! Аж с мертвыми разговаривают!

* * *

Трудно сидеть на сиденье жуткого аппарата, несущегося с огромной скоростью по отвратительной дороге, если у тебя вместо ног высохшие коряги. Сергар вцепился в зеленую ручку, в сиденье, и все дорогу ругался на родном языке, перемежая отборные ругательства здешними, земными, когда попадался особо злой бугорок, через который дьявольский аппарат перелетал, будто ему поддали под зад. Участковый лишь посмеивался, глядя на мучения пассажира, но тот на него не злился – противно, когда все считают тебя убогим инвалидом, как бы невзначай отводя взгляд от безжизненных конечностей, спуская тебе и грубость, и раздражение только потому, что ты не ходишь, а ползаешь на руках. Игорь обращался с «Олегом» так, как с любым другим человеком. Как с равным. И потому Сергару было с ним легко. Бывший боевой маг чувствовал в нем старого вояку – такого, как он сам, с которым не нужно что-то из себя изображать и можно быть таким, каков ты есть.

Ехать было не очень далеко – ну что такое для машины несколько километров, пусть даже и плохой дороги? Меньше часа – и они уже стоят у дома, непохожего на тот, в котором жили Сергар и его «мать» – одноэтажный, довольно большой, он был совсем не старым, красного кирпича, с хорошим свежепокрашенным забором.

– Дети ей дом купили. У нее двое сыновей и дочь. А еще – внуки. Хорошая семья! – пояснил участковый, усаживая Сергара в разложенную коляску. – Ее-то дом на краю деревни, вон там, у леса. Не хотела переезжать, но старший, Матвей – отчаянный мужик! – сказал, что вынесет ее на руках, а дом спалит к чертовой матери! Только тогда согласилась переехать. Старушки, как и коты, привыкают к домам, не выковырнешь! Шас я схожу, предупрежу ее, а ты тут посиди. Мало ли что... мож, ей не до тебя. Заболела или чего еще... – Игорь подошел к воротам, нажал кнопку, и где-то далеко, в глубине дома, послышался звонок. Минуты три никого не было видно, затем калитка открылась, из нее вышла маленькая сухонькая старушка, едва видная на фоне здоровенных, выкрашенных в синий ворот, тем более что платье и кофта бабы Нади были василькового цвета.

– Здравствуй, баба Надя. Вот, привез тебе Олега...

Старушка посмотрела на Сергара, улыбнулась, махнула рукой, подзывая его к себе. Он подкатился, бросив коляску вперед сильными жилистыми руками, и она одобрительно кивнула головой:

– Давай в дом, сынок. Там поговорим. Игореша пусть едет, а мы с тобой поболтаем.

– Я узелок сейчас заберу... – Сергар двинулся к машине, но бабка Надя остановила:

– Игорь принесет. Пусть жирок растрясет. А то засиделся, растолстел!

– Вот вечно ты, бабка Надя, меня позоришь! – прогудел участковый, вытаскивая из машины вещмешок Сергара. – Не так уж я и засиделся! И это не жир, а броня! Ты вообще знаешь, что гладиаторы в Риме были совсем не худыми и жилистыми, как нам показывают? Они были толстыми и сильными, как я! А почему толстыми? Чтобы сквозь жир не пробили, чтобы кровью не истечь! Опять же – гасит удары палицы!

– Болтун! – рассмеялась старушка. – И чего только не напридумает! Езжай уж, вояка! Гладиатор, тоже мне! Кстати, твоя Маруся забежала, говорит – хотите снова ребятенка зачать. Так вот – никаких ребятенков еще полгода. Она еще не совсем окрепла. Смотри, нарушишь – больше ко мне не обратишься! Не буду помогать! Понял?

– Понял я, понял! – Участковый покраснел, нарочито не глядя на Сергара. Потом кинул на него взгляд, ухмыльнулся и развел руками. – Видал?! Диктаторша! А все почему? Больницы нет рядом! Вот она из нас веревки и вьет!

– Болтун! – отмахнулась старушка. – Что ваши врачи? Бестолочи! Только и знают, что глупые таблетки назначать да глупыми машинами людей мучить! Выродилось лекарское искусство, выродилось. Я вот внукам говорю – учитесь, учитесь, пока я жива! Ведь некому умение оставить! Совсем некому! А младшая мне и говорит: «Бабушка, как ты все видишь? Для меня – мясо и мясо! Я ничего не вижу!» Ну вот что скажешь? Вот ты, Игореша, иди ко мне в обучение, – будешь лекарем, люди тебя любить будут, всегда будешь при деле, всегда сыт!

– Каждому свое, баба Надя. – Участковый задумчиво посмотрел на небо, на солнце, склоняющееся к горизонту, на пруд, видневшийся чуть поодаль. На плотине весело визжали мальчишки, прыгая с надутой камеры, плавающей по воде. – Я умею ломать кости, а не вправлять их. И меня это устраивает. Кто-то ведь должен давать тебе работу, нет? А если серьезно – кто-то должен быть и солдатом, кто-то должен делать эту грязную работу. У всех свое умение, так ведь?

– Так, сынок, – печально кивнула старушка. – Все так. А жаль. Лучше бы никогда не было проклятой войны. Пойдем, Олежа. Пусть едет. Его жена заждалась. Он ведь, негодный, сейчас ей ребеночка заделает, а она потом прибежит ко мне и будет просить этого мальчика поддержать, укрепить, чтобы роды прошли хорошо и без боли.

– Откуда ты знаешь, что будет мальчик?! – ошеломленно переспросил участковый, который уже почти сел в машину.

– Знаю! – отмахнулась старушка, заходя в калитку. – Вот мне тоже, тайна! Знаю, и все тут! Как и то, что она тебе сегодня напекла пирогов с клубникой. Давай беги, да не переусердствуй за столом... и так растолстел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.